

A lamp with a red shade and a blue base, set against a background of colorful, wavy patterns. The lamp is illuminated, casting a warm glow. The background features a complex, multi-colored pattern of wavy lines in shades of red, purple, blue, and yellow, creating a textured, almost fabric-like appearance.

А. ПРАСЛОВ

ПЬЕСЫ

Алексей Праслов

Пьесы. Забытые в столе

«Издательские решения»

Праслов А.

Пьесы. Забытые в столе / А. Праслов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508109-4

Автор написал в подзаголовке — «Забытые в столе». Конечно, это не подзаголовок, а какое-то временное и даже пространственное определение написанного. Ощущение, что пьесам дали отлежаться и вытащили из стола, тем самым ухватив так называемую уходящую натуру. И натура эта не остыла, она горяча. Люди живые, страстные, с желаниями и поступками. Интересный взгляд на героев, на то, что с ними происходит, подталкивающий поучаствовать в их жизни. Актёрский взгляд, из-за кулис.

ISBN 978-5-00-508109-4

© Праслов А.
© Издательские решения

Содержание

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС	6
СЁМКА-МАРГИНАЛ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пьесы Забытые в столе

Алексей Праслов

© Алексей Праслов, 2019

ISBN 978-5-0050-8109-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ РЕТРО

СТАРИК
СТАРУХА
ПАРЕНЬ
ДЕВУШКА

ГАРМОНЬ ПУСТЬ ИГРАЕТ ВСЁ, ЧТО ЗАПРОСИТ ДУША.

Кухня в деревенском доме. Входная дверь, дверь в комнату, два окна, большая «двойная» печь (сбоку плита, с торца — «русская»), стол с табуретками, кровать, на которой стоит гармонь. У стола сидит седой, заросший бородой, усами, СТАРИК. На столе — бутылка, стаканы, огурцы, помидоры, капуста... Яблоки. Из угла в угол протянута верёвка, на ней висит рубашка. С улицы слышна гармонь. Открывается дверь, долго никто не входит, потом в проёме появляется СТАРУХА. Видно, что она наряжена и даже накрасила губы. Стоит в дверях, опираясь на палку.

СТАРИК: Пришла?

СТАРУХА: Девяносто лет тебе сёдни.

СТАРИК: Они.

СТАРУХА: Помирать не собираешься?

СТАРИК: Сказал, тебя подожду.

СТАРУХА: Фигу тебе, Ваня, не дождёсья. Я ищё погожу.

СТАРИК: И я погожу, не тороплюсь.

СТАРУХА: Взойти-то можно?

СТАРИК: Зашла ж... Проходи.

СТАРУХА проходит к столу, садится.

СТАРУХА: (кивает на стол) Сам накрыл?

СТАРИК: А чё его накрывать? Стаканы помыл и готово.

СТАРУХА: Попиваешь всё?

СТАРИК: Пью, куды ж денешься...

СТАРУХА: Значит, помрёшь.

СТАРИК: Перестану — помру.

СТАРУХА: И не перестанешь — тоже.

СТАРИК: Поглядим. Тебе-то как, налить? А то вроде как пора, а я сижу.

СТАРУХА: Никаво?

СТАРИК: А кто? Все померли. Петька не ходок. Мы с тобой... состязаемся.

СТАРУХА: Ну, налей чуть... А дети-то?

СТАРИК: (наливает) Сказали, к завтра... На выходные.

СТАРУХА: Чево печку-то летом палишь? На плитке, чай...

СТАРИК: А ты мне за электричество платить будешь?

СТАРУХА: Кошелёк потеряла!... Платок скину?

СТАРИК: Скидай, а чево!...

СТАРУХА отставляет палку, развязывает платок на голове, опускает его на плечи. На удивление волосы её густы и не совсем седые. СТАРИК ухмыляется, качает головой. Она замечает это, показывает ему язык, и, тихо смеясь, поправляет волосы.

СТАРИК: Эх-х!... Стерва ты, Санька... Думаешь, не вся поседела, то меня переживёшь? Хрен те!

СТАРУХА: Злишь, злишь!... Хе-хе... Дверь прикрой, дует.

СТАРИК *встаёт, идёт к двери.*

СТАРУХА: На, палку-то, обопришь.

СТАРИК: Сам дойду. Эт ты у нас... стоп-модель с клюкой!

СТАРУХА: Гляньте, Тарзан какой!... А ты у нас уже с клюквой, поди?? Да давно!... Ой, батюшки, чево сказанула?! Я про то, што, мол, сам ходишь?

СТАРИК: Не, скелет меня водит, а я за ним иду! А на горшок – сам. (закрывает дверь, возвращается) Мне ищё тебя до кладбища пешком провожать. «Клюква»!

СТАРУХА: Тренируешься, значит?

СТАРИК А как же?! Дойду, закопаю тебя, вернусь и выпью!... А там уж могу и за тобой, вдогонку.

СТАРУХА: Ой, петух, петух! Кукурекни ищё!... Чую, перегонишь ты! Моложе я тебя. (берёт стакан с водкой) Сказать хочу... (пытается встать)

СТАРИК: Сиди, чево уж.

СТАРУХА: И то!... Не министр, чай. Кхе, кхе... (поднимает стакан) Сколь у нас в веку-то, сто лет? А сколь ты собрался кувыряться? Не надоело? Живёшь, как сыч, никаво с тобой, ни души... Один! И никуда не уехал. Вить, звали дети-то? Каждый год зовут, так он – нет, сидит! За мной следишь, кабы не пережила тебя? Чай, помру, телеграмму дам!... Коптишь воздух-то... Место в жизни занимаешь, и я за тобой. А знаешь што, тебе меня ждать нечево! Я как сказала, не помру раньше, так и знай, и не надейся! Но ты не бойся, я над тобой повоплю, как положено, да и сама не задержусь, не завидовай. Совесть знать надо! Если каждому веками жить, то эт чево ж будет? Пни да колоды, и всё – труха. Молодым об нас спотыкаться только!... Ой, батюшки, аж задохнулась!... У тебя как с сердцем-то?

СТАРИК: Стучит по ночам. И в каждом ухе... Да какой «в ухе», во всей башке! Верчусь, а оно – бум-бум-бум, бум-бум-бум...

СТАРУХА: Я те травки дам, попей с недельку. А остальное как, фурыкает?

СТАРИК: Эт ты про чё?

СТАРУХА: Ды не-е... Эх, кобель, кобель! Я про нутро твоё!

СТАРИК: Да я уж ево и не чую, нутро-то.

СТАРУХА: Вот и не чуй, желаю! А то, когда чуешь, то весь свет не мил. Хе... Вот гад какой! Я чую, а он не чувствует!

СТАРИК: А ты выпей, и вроде ничево нет в нутре-то... И снаружи всё красивше, ей-богу!

СТАРУХА: Да вот разве што... Ну, давай, Ваньк... Ой, чево ж я так? Чай, Иван Гаврилыч... Ваня... (всхлипывает) Так долго... А как и не было... Вот ищё тебе год, Ваня. Проздравляю тебя с днём ангела! Желаю тебе крепкова здоровья и долгих лет жизни! Ура!

Они чокаются, пьют, закусывают.

СТАРИК: Чем бог послал.

СТАРУХА: Огурцы-то сам солил?

СТАРИК: А то кто ж?

СТАРУХА: У-у, каки... какие! А! Скуловороты!... А хорошо! Прямо, всю водку смазало... нитризовало... А!

СТАРИК: Ищё бы! А ты говоришь!... После огурца и не знаешь, пил иль не пил. Хе-хе... Пока третью не пропустишь!

СТАРУХА: А вторую-то куды дел?

СТАРИК: (берёт бутылку) А всё туды же!

СТАРУХА: Ой, погоди, погоди... Закумарились! (поёт на деревенский лад) Куды, куды вы удалились, весны моёй златые дни-и... Ух, жарко! Расстегнусь. (расстёгивает кофту) Чё в печке-то?

СТАРИК: Чугунок.

СТАРУХА: Чугунок?

СТАРИК: Он самый.

Он отставляет бутылку, опускает голову, о чём-то задумывается, вода пальцами по столу. СТАРУХА растерянно оглядывается, видно, что её что-то волнует.

СТАРУХА: Чугунок, чугунок... С картошкой? (принюхивается) Вода, чую... Чую, выкипела, Вань, вода-то... Пригорает.

СТАРИК поднимает голову и, глядя на СТАРУХУ, тоже принюхивается. Они смотрят друг на друга, но взгляды их далеки. Становится ясно, что сидят эти два старых человека, «вынюхивают» во времени своё прошлое, и захватывают их воспоминания до удивления, до радости, до испуга. СТАРИК тихо встаёт и идёт за печку, за занавеску.

СТАРУХА: (почти испуганно) Куда ты, Ваня?

СТАРИК: (почти весело) Чё ты, чё ты, Сань? За ухватом.

СТАРУХА: Ай!... Ай!...

Она тихо смеётся, когда из-за занавески, куда ушёл СТАРИК, появляется чубатый, по пояс голый ПАРЕНЬ с ухватом. Он наклоняется к печи, чтобы вытащить чугунок. В дверь легонько стучат. СТАРИК выходит из-за печи, идёт, открывает дверь. Вбегают юная, с двумя косичками и бантами, девушка. Она в опрятной школьной форме, с цветами. СТАРИК стоит, опершись о косяк, СТАРУХА сидит всё так же за столом. Они, только они видят эту «новую, молодую» жизнь!

ДЕВУШКА: (парню) Ой! Здрасьте, Иван Гаврилыч! А я вот, видите, школу кончила!

ПАРЕНЬ: А я вот, видишь, картошку варю.

ДЕВУШКА: Да у вас вода уж вся выкипела!

ПАРЕНЬ: А ты откуда знаешь?

ДЕВУШКА: Чую! По запаху чую!...

ПАРЕНЬ: Да? (принюхивается) А какой должен быть запах?

ДЕВУШКА: Картошешный!

ПАРЕНЬ: А шас какой, мясной?

ДЕВУШКА: При-горелый! Ну, чё стоите —то? С ухватом, как на медведя с рогатиной!...

Я вам не медведь! Чё стоите-то?

ПАРЕНЬ: А чё?

ДЕВУШКА: Вытаскивайте, сгорит же совсем!

ПАРЕНЬ: А-а!... (вытаскивает ухватом чугунок) И ничё не пригорела!

ДЕВУШКА подходит к нему, они смотрят в чугунок. Старик подходит к столу, садится на своё место.

ДЕВУШКА: Чё я не знаю? Пригорает-то снизу!

ПАРЕНЬ: Что ты говоришь?!

Он переворачивает чугунок, высыпает картошку на стол. СТАРИК со СТАРУХОЙ берут по картошке, улыбаясь, чистят. ПАРЕНЬ берёт картошку, разглядывает её.

СТАРИК: Чуток снизу... Зато рассыпчата!

СТАРУХА: А я люблю!... Как в жару печёна, правда?

СТАРИК: У-у, дух какой!... Ну, как тут не выпить?

СТАРУХА: Ой, чево ж поделаешь!

СТАРИК наливает «по грамульке» себе и СТАРУХЕ.

ПАРЕНЬ: Ну и чё, говоришь, испортил, да?

ДЕВУШКА: Что вы?! Вку-усно! Мы всегда так: воду сольём, а чугунок опять на жар, чтоб подсохла чуть-чуть. Отец не любил – мокрая, говорил. А я всегда снизу выбираю, у каких шкурка припеклась, и ем.

ПАРЕНЬ: Садись, ешь. Вон они, припёкшие.

ДЕВУШКА: Ой, да ну!

ПАРЕНЬ: А чё? За компанию!

ДЕВУШКА: А знаете что?... А давайте!

ДЕВУШКА кладёт на подоконник цветы. ПАРЕНЬ в это время сдёргивает рубашку с верёвки, надевает её. Улыбаясь, садятся за стол, берут по картошке, чистят. Пары живут свободно, независимо друг от друга, каждая в своём времени и в своих мыслях.

ПАРЕНЬ: Чё, говоришь, школу закончила?

ДЕВУШКА: Ага, последний сдала. Послезавтра выпускно-о-ой! Придёте?

ПАРЕНЬ: Опа! А меня не приглашали!?

ДЕВУШКА: Считайте, я вас пригласила.

ПАРЕНЬ: Да откуда ж ты такая взялась? Как ты звать-то?

ДЕВУШКА: Здравствуйте!... Я у него картошку ем, уже и на выпускной пригласила, а он – нате, приехали! Саша я! Вы чё?

ПАРЕНЬ: Шингина, что ль?

ДЕВУШКА: А кто ж?!

ПАРЕНЬ: Да ты чё?! Ты ж во-о была!

ДЕВУШКА: Когда была-то? Хватился! Все «во» были!... После вашей армии я уже не «во» была, а вон какая – четырнадцать уж было! Вы-то отгуляли и не заметили, и в какой-то Донбасс попёрлись, а это ещё аж вон сколько! А чё вас в Донбасс-то понесло?

ПАРЕНЬ: Так, чё? Ну, чё?... Работал... А, вон, за гармошкой!

ДЕВУШКА: Да прям, поверила!

ПАРЕНЬ: Да ей-богу!

ДЕВУШКА: Да ну, чудно!... А вы играете?

ПАРЕНЬ: У-у!

ДЕВУШКА: А сыграйте чё-нибудь?!

ПАРЕНЬ: А запросто!

Он идёт к кровати, берёт гармонь, садится и шумно растягивает меха

ДЕВУШКА: «Три танкиста», «Три танкиста» заказываю!

ПАРЕНЬ: («пиликает» что-то и, смеясь, ставит гармонь) Соврал я! Не научился ещё.

За окном неожиданно и громко, и как-то лихо и весело играет гармонь «Три танкиста».

ПАРЕНЬ: О!

ДЕВУШКА: Петька наяривает

ПАРЕНЬ: Какой?

ДЕВУШКА: А во, кто цветы мне...

ПАРЕНЬ: Ухажёр?

ДЕВУШКА: Скажете тоже!... Ухажёр! (смеётся) В девятый перешёл!... Остолоп какой-то!

ПАРЕНЬ: А цветы?

ДЕВУШКА: Да у бабки Сивухи надрал!... Иду, а он – на! – и убёг... А хотите, пусть он вас научит играть?

ПАРЕНЬ: Пусть!

ДЕВУШКА подбегает к окну, распахивает его, манит к себе ПАРНЯ. Он подходит. Она, взмахнув рукой, начинает петь, ПАРЕНЬ подхватывает: «На границе тучи ходят хмуры, край суровый тишиной объят...»

ДЕВУШКА: (после куплета) А знаете что?... А сколько вам лет?

ПАРЕНЬ: Двадцать шесть скоро.

ДЕВУШКА: А мне уже целых семнадцать!

ПАРЕНЬ: Ого!

ДЕВУШКА: Старая?

ПАРЕНЬ: Страсть, какая!

ДЕВУШКА: А вы нет!

ПАРЕНЬ: Ф-фу, слава богу!

Смеются. Петькина гармонь затихает.

ДЕВУШКА: А с вами ничё!... Не страшно! Даже весело!... (вздыхает) Только мне пора.

А знаете что? А давайте я цветы оставлю у вас?

ПАРЕНЬ? Не-не-не!...

ДЕВУШКА: Ага, вы чё хотите? Попрусь с цветами... Да меня бабка Сивуха прильёт! Где у вас чё-нибудь под цветы? (ищет) Я пока ищу, а вы знаете что? Сказать?

ПАРЕНЬ: Давай!

ДЕВУШКА: Смеяться не будете?

ПАРЕНЬ: Никогда!

ДЕВУШКА: Я, наверное, троглодитка!... Бросьте пару картошек в жар, они подрумянятся, и мы их съедим! И я пойду!

ПАРЕНЬ бросает картошку в печку. ДЕВУШКА находит стеклянную банку, наливает воды, ставит в неё цветы.

ПАРЕНЬ: А Петька?

ДЕВУШКА: А чё Петька? Ещё надёргает! А вы зато помнить будете по цветам, что послезавтра – вы-пуск-ной!... Ну, по картошке и домой?

ПАРЕНЬ: Не подрумянилась ещё.

ДЕВУШКА: Подрумянилась, она варёная.

ПАРЕНЬ вытаскивает из печки по картошке, жонглирует ими, остужая, и отдаёт одну ДЕВУШКЕ.

ПАРЕНЬ: На брудершафт, что ль, будем?

ДЕВУШКА: Как это?

ПАРЕНЬ: Руку давай сюда... С картошкой которая... Цепляемся локтями! Откусываем... Э-э-эй, каждый свою!... Прожёвываем! Проглатываем! И целуемся!

ДЕВУШКА: (выдёргивает руку, отбегает к двери) Вы чё? Да как же «целуемся»? (обиженно) Вы думаете, если я пришла... Зачем вы так?!

Убегает.

ПАРЕНЬ: Саш!... Сашка! Да пошутил я, дурёха!

Он выбегает за ДЕВУШКОЙ. Опять громко и забористо играет гармонь за окном. СТАРИК и СТАРУХА сидят за столом, медленно жуют картошку, слушают.

СТАРУХА: Он щас почти не встаёт... Так, сядет на лежанке и играет. Петька-то. Тоже помирать не хочет. И чево ждёт? Вить, бобыль, а чево-то ждёт!

СТАРИК: Дак, человек... он, Сань, всегда ждёт. Я, вот, твоей смерти жду, ты моей.

СТАРУХА: Я на жданки твои чихаю, Вань... И не думай, раз я с палкой, то, прям, туда направилась. Мне так легче тебя переждать. Обопрись и пережду! Наливай, не жадничай!

СТАРИК понемногу «плескает» в стаканы, но пить они почему то не торопятся. Входит ПАРЕНЬ, на плече у него рюкзак. ПАРЕНЬ подходит к столу, берёт яблоко, вертит его в руках, как бы разглядывая, потом доликает в стакан водки. Распахивается дверь, вбегает ДЕВУШКА в белом платье.

ДЕВУШКА: Вы не смеее!... Так нельзя!... У меня сегодня выпускной!... Как же так? Вы... Вы!... Да у вас повестки нет!

ПАРЕНЬ: Милая, хорошая девушка Саша!... Пока повестка придёт, война кончится. А я буду сидеть, да? Ждать, да?

ДЕВУШКА: Нет, я не то!... Ну, как же? Ну, денёк хотя бы... Ну, что вам стоит? У меня платье красивое... Сама шила... перешивала...

ПАРЕНЬ: Умница!

За окном играет Петька, горланит, дурачась: «Мне сегодня так больно, слёзы взор мой туманят...»

ДЕВУШКА: (про Петьку) Дурак какой-то! (парню) Знаете что?... Вы, конечно, уйдёте... Так надо, я понимаю. У нас в классе всего четыре мальчика... Вы представляете? Четыре! И они сегодня... Ну, все как один, прям!... Все захотели пойти на войну... И мы тоже! Но мы их не пустили до завтра!... А то, как же это так?! Тринадцать девочек и не одного мальчика! Понимаете?

ПАРЕНЬ: Понимаю. Правильно сделали! И вообще... Мне до района идти семь километров. Успеть надо. Понимаешь?

ДЕВУШКА: Понимаю. Знаете что? Я ни разу в жизни не пила водку... Ничего не пила! А вчера мы решили, что вечером сегодня... Ну, в общем, закроемся в классе и выпьем тайком. А потом пойдём танцевать... по очереди... Правда, дураки? Но мы же это вчера! Мы же... (подбегает к окну, распахивает) Петька, зараза такая, играй весёлое!

Петькина гармонь на секунду смолкает, но тут же «взрывается» весёлой плясовой.

Знаете что?... Я могу... я хочу с вами... выпить этой дурацкой водки на... на этот... на брудершафт!

Неловко, но пьют и неловко, но целуются.

ПАРЕНЬ: Сладко-то как!... Вот и проводились.

ДЕВУШКА: (закрывает лицо руками) И нисколечко не стыдно!... Только чуть-чуть!

ПАРЕНЬ: А ты считай, что брата провожаешь, с братом целоваться можно.

ДЕВУШКА: Брата?

ПАРЕНЬ: Ну, дядю.

ДЕВУШКА: Нет уж!... И знаете что? Не претворяйтесь старым! (подбегает к окну, кричит) Петька, «Рио-Риту», сказала!... Не говорила? Ну так говорю!

Петька играет «Рио -Риту».

Я сегодня совсем бесстыдница!... Но вы уйдёте, и вас вечером не будет... Не думайте ничего такого... А знаете что?... Думайте! Думайте, что вас здесь... будут ждать. Пусть «сестра», пусть! А разве не могут сестра с братом потанцевать?

ПАРЕНЬ: Могут. Только я не умею.

ДЕВУШКА: И я не умею. Мы пробовали с девчонками, но... Но, ведь, это совсем другое?

ПАРЕНЬ: Ещё как другое!... Эх-х! До района всего семь километров... Если быстро идти... А то и добегу! Попробуем? (снимает рюкзак) Только не подставляй ноги, оттопчу!

ДЕВУШКА: Это ещё кто кому!

Неумело, смущаясь, танцуют.

ПАРЕНЬ: Цветы заberi обязательно.

ДЕВУШКА: Да как же? То я вам, то вы мне?!

ПАРЕНЬ: Заберёшь, заберёшь!... Я б всё равно принёс их... вечером. Они тебе сегодня очень пойдут. Тебе сегодня всё идёт!... Ох, Саша!

ДЕВУШКА: Правда? Это потому что я первый раз губы нарисовала!

ПАРЕНЬ: Нет, не потому!... Просто... Просто идёт и всё!

ДЕВУШКА: А знаете что? Отгадайте, на какую тему я писала сочинение?

ПАРЕНЬ: Первый бал Наташи Ростовской!

ДЕВУШКА: Ой, а как вы догадались?

ПАРЕНЬ: По глазам твоим красивым... По рукам нежным... По платью белому!... По губам красным! По... по...

ДЕВУШКА: (тихо) Не надо. Заплачу.

Гармонь за окном смолкает. Они перестают танцевать и какое-то время стоят, опустив головы.

ПАРЕНЬ: Гармошку пусть Петька заберёт. Пусть разыгрывает меха. Вернусь, освою сам.

ДЕВУШКА: Я буду приходить, прибираться тут... А гармошка? Пусть стоит!

ПАРЕНЬ надевает на себя рюкзак, отходит к двери.

ПАРЕНЬ: Саша, голуба моя маленькая!

ДЕВУШКА: Я не маленькая!

ПАРЕНЬ: Я вижу. Мне до темна добежать бы!... Или...

ДЕВУШКА: Идите. Надо. Я понимаю. Не «или», а идите!

ПАРЕНЬ: Что за чудо платье твоё!... Ох, что ты со мной сделала?! Яблочко наливное! (подходит к столу, берёт яблоко) Тётка из Краснодара привезла. Рано, говорит, начали падать... А вот это, глянь... Ему ещё висеть да висеть, а оно вон какое! Белый налив! Как ты!... На, возьми! Считай, что сорвал для тебя! Созреет, и я вернусь!

ДЕВУШКА: (берёт яблоко) Белый налив – яблочко недолгое, пропадает быстро!

ПАРЕНЬ: Не успеет!... Да мы их за месяц раздавим! Так что вашим пацанам и не стоит... Вы повеселитесь сегодня, подурачьтесь, посмейтесь вволю... Потанцуйте... по очереди! Тринадцать наливных и четверо счастливых! Н-ну!

ДЕВУШКА: А вдруг я... тринадцатая?

ПАРЕНЬ: Ты первая!.. Знай – первая!

ОН быстро уходит. ДЕВУШКА, прижимая к себе яблоко, отходит к окну, и, уткнувшись в стекло, плачет. СТАРУХА берёт из тарелки яблоко, покачивая головой, смотрит на него.

СТАРУХА: А яблочки в этом году наливные. Падальцев мало.

СТАРИК: Плодоножка хорошая, крепкая, не сорвёшь!

СТАРУХА: Лёжкие будут. Гля, гля, да у тебя и налив дотянул до сёдни!

СТАРИК: Дотянул. И я дотянул.

СТАРУХА: Ну, ты-то живи пока... сёдни. Не в день же рождения!... А то дети завтра съедутся, а ты растопыришься.

СТАРИК И то!... Вот, выходит, опять жить. Так што не жди меня, старая калоша, некогда мне!

СТАРУХА: А я сёдни и не жду, валенок ты старый! Я сёдни гуляю!... Вот только Петька чё-то замолчал.

Она идёт к кровати, садится, берёт гармонь и неожиданно начинает «пиликать» «Катюшу».

Наливай, Ваня, по чарочке да поднеси гармонисту! (поёт) «Ой, ты песня, песенка девичья, ты лети за ясным солнцем вслед...»

СТАРИК: Лихо ты!... А мне так и не пришлось. То работал, то шабашил... То то, то сё... А то дети.

СТАРУХА: А то – пил.

СТАРИК: А как же!? Природа, видно, наша такая. Миталинтет особый – так щас говорят. Х-хе... Похоже выводишь песню-то.

СТАРУХА: Петька научил... Я, бывало, прибираюсь тут, а он за окном играет, играет... Возьму гармошку, к окну подойду, он мне и покажет, на какую кнопку нажать.

Старухино «пиликанье» подхватывает за окном Петька. Играет, как всегда, мощно, сочными и чёткими аккордами. СТАРУХА смолкает. ДЕВУШКА у окна рыдает.

ДЕВУШКА: Ну и пусть... пусть услышит, какая я дура... несусветная!... Что ни с того ни с сего разревелась... Ой, да мамочка моя! Ой, да как же? (вдруг перестаёт плакать) А про-водить-то?! Ой, какая ж я!... Хуже, чем дура! Я догоню, догоню...

Она выбегает из избы. Петька почему-то резко перестаёт играть.

СТАРИК: (задумчиво) Да...

СТАРУХА: А? Чево?

СТАРИК: Гуляем, говорю... Ну, гармонист аховый, бросай свою фортепяну. Иди, мадама, к столу!

СТАРУХА: Эт чево ж ты меня по всякому?

СТАРИК: Расфуфырилась, больно! И губы, вон, нарисовала до носу!

СТАРУХА: Чай, не картошку копать пошла, а на свиданье! (отставляет гармонь, встаёт)

По лампидринчику?

СТАРИК: Как, как?

СТАРУХА: Да эт мой, старший... Да Ванька-то! Кажись, так говорит...

СТАРИК: А мой... Нет, не так. Похоже, но... По лампадочке, што ль?! Вот, ага! Да один хрен!

СТАРУХА: (подходит) Дети у нас хорошие. Ванька у меня уж сам дед.

СТАРИК: Так ты у нас «пра»?

СТАРУХА: А ты, скажешь, нет?

СТАРИК: Ей-богу, нет! Мой-то старший моложе твоего.

СТАРУХА: Как это так? Ты в два раза меня старше, а он моложе моего?! Как разо-брать-то?

СТАРИК: Э-э, подруга!... Знать бы как разбирается, собирали б по-другому.

СТАРУХА: Ну, нас-то с тобой собрали крепко. До столько щас не живут, нет!

СТАРИК: И Петька, вон, неплохо... Культя до трусов, с войны аж, а живёт. Догоняет по годам-то!

СТАРУХА: Догнал бы, да вторая отказала. Чево он молчит-то?

СТАРИК подходит к окну, смотрит в него, прислушивается. Опираясь на палку, подхо-дит к нему и СТАРУХА.

СТАРИК: Молчит. Праздник нарушает. Нам щас молчать нельзя, Сань... Страшно долше жить! Глаза видют – ум не понимает, ум понимает – душа не принимает, а когда душа примет, так и глаза уж не видют, и ноги не ходют. Вот и весь круговорот. А смысл-то где?

СТАРУХА: Смысел?... А знаешь што? Я б ищё пожила! Но хвораю сильно... А ты дер-жись! Держись, не сдавайся! Покажи им всем, как надо жить!

Слышен шум подъехавшей машины. Две сгорбленные спины стариков у окна вздраги-вают. Входит ПАРЕНЬ. Он в полинялой солдатской форме, с усами, худ и бледен. За плечами вещмешок. ПАРЕНЬ оглядывает всё, улыбается, увидев горящую печь. Сбросив вещмешок, под-ходит к печи, прижимается щекой.

ПАРЕНЬ: (шепчет) Здесь, здесь голубушка! Саша... (тихо смеётся) Печка сама не горит... Не горит печечка-то сама!

Входит ДЕВУШКА с ведром воды, и застывает у порога. Парень поворачивается к ней.

Полное?

ДЕВУШКА: А-а? Да-а... (растерянно, изумлённо) Воды, вот, холодненькой... Чтоб все-гда здесь была... Вернёшься, попьёшь и... хорошо... Иду, а у калитки машина, солдаты... Попить попросили... вкусно, сказали...

ПАРЕНЬ: Вот как оно, Сашенька, вышло-то!... Думал – до Спаса Яблочного и вернусь, а оно вон как растянулось. Угостишь водичкой

Он подходит к ней, опускается на колени, пьёт из ведра, Она стоит, не отпуская ведро.

ПАРЕНЬ, попив, осторожно берёт его из её рук, ставит и прижимается лицом к её ладоням.

ДЕВУШКА: Почему... Спаса... Яблочного?...

ПАРЕНЬ: Ко дню рождения, мечталось... Не вышло.

ДЕВУШКА: Я... я... я майская.

ПАРЕНЬ: К своему дню... (встаёт) Думал, отомщу тебе – возьму и приглашу! Ты бы согласилась?

ДЕВУШКА: Бы?... Ты был... так долго... Где?

ПАРЕНЬ: На войне.

ДЕВУШКА: (кричит) Ва-а-а-ня-а-а!...

Она бросается к нему на шею, он обнимает её, прижимает к себе, целует

ДЕВУШКА: (плача) Целый год... Год целый... Всё! Всё!... Как ты пахнешь табаком?! Я тебе всё стираю... Я тебя щас искупаю! Воды нагреем и я... Какой ты тощий! Я тебя щас накормлю! Щас, щас!... Я тебя...

ПАРЕНЬ: Саня-Санечка!... погоди, дай поглядеть на тебя... (берёт в ладони её лицо) Здравствуй, яблочко моё наливное! А глазки-то зачем потемнели? А слёзки-то зачем? Смоют веснушки... Не надо! Цвети, цветочек мой майский!

ДЕВУШКА: Да, да... Я щас, щас... Первым делом накормить... Конечно, конечно! Огромную кастрюлю шей, да? Я умею, ты не думай!... Мяса нет... Ну и пусть, и не надо! А на пустой воде даже лучше бывает... Я умею! Из кислой капусты, да? Я щас, я принесу всё...

ПАРЕНЬ: (тихо) Саша!

ДЕВУШКА: А?

ПАРЕНЬ: Мне пора. Я на пять минут... Права не имею терзать твою жизнь, в такое время не надо бы. Но не могу!... Думал, заскочу, только взгляну... А не увижу – не судьба, значит. Увидел же, увидел!

ДЕВУШКА: Куда тебе... ехать?

ПАРЕНЬ: Из госпиталя я, проездом на станцию, к эшелону. Машина там, ты видела... Я упротил...

ДЕВУШКА: Ты ранен?

ПАРЕНЬ: Всё, всё как на собаке, Саша! Зацепило... (слышен гудок машины) Вот и всё! (кричит в открытую дверь) Иду! (нервно закуривает) Спасибо за дом... Сухо, опрятно...

За окном неожиданно гармонь начинает играть довоенную «Рио-Риту».

Э-эх, Петька дурачина!... Что ж ты душеньку-то рвёшь?

Так же неожиданно Петькину гармонь подхватывает скрипка. СТАРУХА, пошатнувшись, приваливается к СТАРИКУ.

СТАРУХА: Доведи меня, Вань, до... до... до стола. Ослабла я чё-то...

СТАРИК: (поддерживает, ведёт) Приляг лучше.

СТАРУХА: С водки, поди... Напоил ты меня. Специально подтачиваешь моё здоровье?

СТАРИК: А как же?! Вот напою и ссильничаю!

СТАРУХА: Тогда уж сразу к кровати веди...

Они смеются. СТАРИК помогает СТАРУХЕ лечь на кровать, идёт к ведру, набирает стакан воды, несёт СТАРУХЕ. ДЕВУШКА подходит к окну, слушает.

ДЕВУШКА: Как красиво!

ПАРЕНЬ: Изька-еврей, мировой парень... И в окопе со скрипкой... Не жилец он. Нас провожает, тайком... (подходит к ней) Может быть, я щас скажу не то и не так... В общем, глупость какую-нибудь... обязательно! И пусть!... На фронте как-то не думалось... Вру, думалось! А когда в госпитале валялся... четыре месяца...

ДЕВУШКА: Четыре?!

ПАРЕНЬ: Я всё перебирал в уме, за что зацепиться в жизни, чего терять не хочу? И всегда ты перед глазами... Хоть закрою, хоть открою глаза – ты! Гоню тебя, прям, вслух гоню!... Да прогнать-то не получается!... Вот ведь как, Са-аша! И чего, казалось бы, – два-три раза пого-

ворили!... Н-ну!... Да разве забудешь такое?! Да разве... Ах ты, батюшки!... Платье белое... бантики... глаза – утонуть! Танец и... и... белый налив... (сигнал машины) Всё! (вытаскивает из кармана гимнастёрки письмо) Я писал его долго... Здесь – всё! Прощай, сестрёнка!

ДЕВУШКА: Ваня, Ваня, стой тут! Я шас!... Только, Ваня... Я шас!

Она выбегает из избы. За окном нервно сигналит машина. ПАРЕНЬ кладёт письмо на стол и быстро уходит. Слышен шум отъезжающей машины, и вместе с ней удаляется и постепенно затихает скрипка. Петька ещё какое-то время играет, но уже не «Рио-Риту», а что-то несвязное, будто подбирает другую мелодию и никак не может подобрать. Входит ДЕВУШКА, в руках у неё стопка писем-треугольничков. Беззвучно плача, она подходит к столу, роняет на стол письма и оседает на табуретку.

ДЕВУШКА: Не дождался... Что ж ты? Я каждый месяц по два письма... А отослать куда, не знала. Куда теперь, куда?... Ой, что ж ты, Ванечка? Я тебе такие слова, такие слова писала, а ты не захотел послушать! Мне ж некому писать, тебе только. Мальчишки наши тоже на фронте... Их сначала не брали, а потом сразу троих!... А Славку опять отсеяли по зрению, у него очки толстенные-толстенные, он так слабо видит. А в конце зимы добился – взяли... Убили его, Вань! Весной!... Да как же это? Никто ему, наверное, и написать-то не успел?! Ты, вот, раненый, а я тоже не знала... Я б тебе про всё, про всё написала, пожалела б тебя. Мы ж русские женщины, мы должны-ы... А то и приехала б в госпиталь, тут же недалеко было. Конечно б приехала! И ты бы всё прочёл! И услышал бы! И ещё, ещё... Эх, ты!... И никакая я тебе не сестрёнка! Разве сёстры пишут такие письма?! Разве... сёстры могут... так?... Разве... Эх-х!...

Она сгребает письма в охапку и бросает их в печку. Вспыхнувшее пламя освещает её заплаканное, растерянное лицо. За окном, заглушая Петькину гармонь, опять неожиданно и громко играет скрипка. Виртуозное «Каприччио», гаснущие блики огня заставляют ДЕВУШКУ опомниться. Обжигаясь, она пытается выхватить из печки горящие клочки, кричит что-то бессвязное и, отчаявшись, заливают огонь водой из ведра. Ведро падает из её рук, катится, позвякивая, ДЕВУШКА устало прислоняется к печи. СТАРУХА тихо-тихо постанывает.

СТАРУХА: И чево-эт защемило-то?... Иван, там в этой, в кофте, да на табуретке-то, пилюли сердешные... Поднеси, уж будь другом. А я над тобой повоплю, обещаю!

СТАРИК: (идёт к табуретке) Лежи уж, вопилка!... (достаёт из кофты таблетки, несёт) Совсем Петьку забил, чертёнок!

СТАРУХА: Кто?

СТАРИК: (кивает на окно) Да вон, в автобусе, с кудряшками-то... В детдом, наверно, едут, с концертом. Попить остановились. Да, дети тоже!

СТАРУХА: (запивает таблетку) Хорошо играет.

СТАРИК: Они все хорошо играют. А ты помолчи лучше, разлеглась!... Лежит, ей подносят! Курорт тебе, што ль?

СТАРУХА: А хыть бы!... Даме... эта... дурно, а ты кукурекаешь! Кавалер, он чё должен? Развлекать, а не болячки считать!

СТАРИК: Ух ты, повело бабку-то!... Камаринскую, што ль, иль задом повертеть? Петька, вон, надрывается, мало? Иль покруче чево?... Щас, щас я тя развлеку, сама вскочишь!

Он идёт к комнате, но в дверях останавливается.. ДЕВУШКА отстраняется от печки, подходит к окну, садится на подоконник, слушает. Вдруг сзади со стороны улицы её обхватывают чьи-то руки. ДЕВУШКА вскрикивает, отскакивает. В окне ПАРЕНЬ.

ПАРЕНЬ: Батя, майор, человеком оказался!... Эшелон в полночь, ещё три часа... Сказал, не успею, лично расстреляет. Да мне эти семь километров – раз плюнуть! (перекидывается внутрь, кричит за окно) Играй, Изька, играй, еврейшкa хороший, напоследок!... Жми, Петька, только на весёлые кнопочки!.. Дайте, братцы, хлебнуть радости глоточек!

На секунду зависает тишина, и вдруг круто и слаженно, с какой-то кабацкой удалью «взрываются» гармонь и скрипка. Удивлённо и испуганно смотрит ДЕВУШКА на ПАРНЯ. Они стоят, не приближаясь друг к другу.

Сашенька... Испугалась, глупенькая! Ну, чего ты? Не бойся! Не нагяделся, потому и... Бежал сюда, Изьку за собой тащил... Ему всё равно попутку ждать, в госпиталь ему, обратно... А нам сыграют. Вишь, как они!... Оркестр по заказу!

ДЕВУШКА: (тихо) Спасибо. Я завтра уезжаю. На санитарку чтоб... На курсы. А потом...

ПАРЕНЬ: Ах ты!... Ах ты!... И до тебя добрались. Да куда ж тебе, куда?!... Выходит, по полной прощаться надо. Чёртово дело, эта война!... Не надо бы тебе...

ДЕВУШКА: Прощаться... Свидимся ли?

СТАРУХА *поднимается, садится на кровати и закрывает лицо руками. СТАРИК, мотнув головой, скрывается в комнате. ДЕВУШКА идёт к кровати, садится, сжимается, низко опустив голову.*

СТАРУХА: (зовёт) Иван!... Гаврилыч?!

СТАРИК: (из комнаты) Тут я, тут, чево ты? (кашляет) Запершило чё то!

ПАРЕНЬ *нервно закуривает, стоит, дымит, мотая головой. ДЕВУШКА безвольной рукой расстёгивает верхние пуговицы на своей блузке.*

ДЕВУШКА: Иди, Вань... Иди ко мне!

ПАРЕНЬ *сминает папиросу, делает к ней шаг, но вдруг резко отходит к печи, и, ударив поднятыми кулаками в её стенку, то ли с мычаньем, то ли со стоном, замирает. ДЕВУШКА подходит к нему и нежно прижимается щекой к его спине.*

(шепчет) Я всегда буду помнить тебя. Ты хороший.

ПАРЕНЬ: (не оборачиваясь) Тебе нужно... нужно собраться. Отдохнуть, выспаться. Бери сразу и тёплое с собой.. Как знать!.. Только уж не лезь в героини!... Прошу. (поворачивается к ней) А на Спас мы с тобой соберёмся! Гульнём так, что все позавидуют!...

ДЕВУШКА: На этот Спас?

ПАРЕНЬ: На этот не обещаю. Пропустим этот, договорились? И на который – не знаю. Но точно – на Яблочный!...И помни, вам, девчатам, беречь себя надо, беречь! Вам балы ещё заводить, да получше, чем у Наташи Ростовской! Вам туфельки свои выпускные ещё истанцевать надо! Вам... губы свои сладкие... исцеловать... Исцеловать, чтоб горели!... «Ты под нежной фатой белолицая, губки словно цветочек аленький! Не успел тобой насладиться я...» Э-эх! Ну?! «Подставляй-ка губки алые...» Прости!

Он крепко целует её и выпрыгивает из окна. Скрипка с гармонью обрывают свой «спор». Слышен удаляющийся голос ПАРНЯ: «Напиши! Номер части в письме!» ДЕВУШКА бросается к печке, потом к окну, зовёт ПАРНЯ и, не получив ответа, понуро уходит. Из комнаты выходит СТАРИК с аккуратным магнитофоном в руках. Стоит, хитро поглядывает на СТАРУХУ, которая торопливо вытирает платочком глаза.

СТАРИК: Ну чё, старая тёлка, откинемся, што ль... То есть, как это? А-а... Оттянемся по полной?

СТАРУХА: Откинемся-то верней... Х-хах! Чур, ты первый!

СТАРИК: Иш ты!... Вот я не знаю, у тебя осталось, чем понимать-то? Музыка? Иль сохлось?

СТАРУХА: Коленом, Вань, коленом понимать, как и тебе!

СТАРИК: Эт как так?

СТАРУХА: А так так!... (стучит по колену) Што тут кость, што тут! (стучит по голове) А в мозгах сухо, скрип какой-то. Сухошей, хе-хе!

СТАРИК: Так оно и понятно! Ты ж динозавр, не вымерший пока! Ссыхаешься с веками! Я, правда, тоже... Но не колено с ушами! Я умный, а ты чё – баба.

СТАРУХА: Ба-атюшки, умный! Эт в каком месте?...А я продвинутая!

СТАРИК: Ё-о! Задвигать пора! (ставит магнитофон на стол) Тебе «попсу» или «реп»?

СТАРУХА: А покруче есть чё?

СТАРИК: Во, блин, разборчивая попалась!

СТАРУХА: А как ты думал?! Иначе не заторчу!

Они заходятся в смехе, со стоном, с хрипом, по старчески. СТАРИК оседает на табуретку. Смеются долго, то затихая, то опять срываясь. Потом долго молчат. Темнеет. СТАРИК идёт к стенке, щёлкает выключателем.

СТАРУХА: Ой, погоди, погоди!... Не гляди на меня, потуши!

СТАРИК: Больно нужно, королевна! Ищё глаза наведи... по коровьи.

СТАРУХА: А чево раньше времени свет палить? Тучка нашла, а он сразу – тырк!

СТАРИК: Ну, на!... (выключает, выглядывает в окно) И правда дощ, поди, шибанёт. (за окном сверкает, гремит) Щас врежет!

В окно влетает бабочка. Она кружит вокруг СТАРИКА, потом подлетает к СТАРУХЕ садится ей на плечо. СТАРИК грустно улыбается.

СТАРИК: Во, а ты говоришь!... Они на брёвна, да на травку какую садятся... В общем, на неживое!

СТАРУХА: Неживое они облетают, Вань. Им тепло нужно.

Сразу и мощно идёт дождь. СТАРИК прикрывает окно, стоит молча. СТАРУХА что-то бормочет, глядя на бабочку на своём плече. Входит ПАРЕНЬ, мокрый от дождя. Он в военной форме с погонами капитана. Чуть поседевшие виски, усы. Ставит чемодан у двери, смотрит в какую-то бумажку в руке.

ПАРЕНЬ: Где стол был яств, там гроб стоит... (читает) «Погиб смертью храбрых... В боях...» Х-ха, дураки вы мои родные!... Саня-Санечка, Сашуля! Вот он я! И-эх!... Петька аж заикаться стал, когда я заглянул к нему. Тоже успел повоевать пацан, отдал ногу... А я весь живой, Петька, жив, как видишь! (читает дальше) «Спасибо, что ты был, Ваня.»... Карандашиком химическим приписала... Буковки размазались.. Плакала. Что ж, и тебе спасибо. Был, не был... Да! (осматривается) Ничего, ничего... Вот на Дальний еду, на Восток, Саш. Оказия такая подвернулась. Да... Был, был, был!... А похоронку не взяла, оставила... Был? Не был? А?

Бабочка вспархивает с плеча СТАРУХИ и, покружив, садится на руку ПАРНЯ.

Ой ты, маленькая моя!... Замёрзла? Ну, посиди, посиди... Беленькая... Жить-то тебе чуть всего! Когда ты родилась-то? Уж не майская ли? Да не-е... Сутки протянешь?... Протянешь, а как же! Ты не бросай меня! Нас с Петькой... У него ногу оттяпали, а меня, видишь, и вовсе похоронили... Всего сутки, а? Японцы ждут не дождутся, когда приеду бить их! (снижает фуражку, прислоняется к косяку) А я вот поздороваться пришёл... Здравствуй, жизнь прошлая! Здравствуй, родная!... (берёт в рот папиросу) Огонька не найдётся?... А?... Сыра печечка молчит! (выплёвывает папиросу, взмахивает рукой с бабочкой) Ну, полетай тут, пока дождь не кончится, а я к Петьке. (кладёт в нагрудный карман извещение, надевает фуражку) Спасибо ему за эту бумажку сказать, что сохранил. Индульгенцию мне выдал земля! Знать, живы будем – не помрём! Да и вообще! (с тоской оглядывает всё) Чую, чую, Сашенька, упрямимся на сей раз до Яблочного. А? Хотелось бы!... (провожает взглядом бабочку) Вернусь, открою дверь, войду... и скажу... Вот тебе, бабочка, и Спасов день!...

Бабочка летит к окну и, побившись о стекло, садится на СТАРИКА.

СТАРУХА: Вишь, и ты живой оказался!

СТАРИК открывает окно, и сразу врывается Петькина гармонь. «Отрада»... ПАРЕНЬ, присев, открывает чемодан, достает оттуда пару бутылок водки, консервы, но, чуть подумав, складывает всё обратно, хлопывает чемодан и встает.

ПАРЕНЬ: (кричит) Петька! Примешь? Тоска немого! Куда сутки девать, не знаю!... Погужаем, а? За ногу твою, за молодость нашу!... За душу, мать её!

СТАРИК *стряхивает с себя бабочку, пытается выгнать её на улицу, но она перелетает к ПАРНЮ, садится на него.*

СТАРИК: Не хочет. И правильно, в дощ не полетаешь.

СТАРУХА: (встаёт с кровати, стоит) Пусть, Вань. Живая душа.

СТАРИК: Я чё? Я ничё. Думал, там ей лучше, на воле. А так, пусть.

Смотрят с грустной улыбкой на бабочку. А взгляды... Взгляды далеки.

ПАРЕНЬ: (бабочке) Не отпускаешь? Иль со мной пойдёшь? Ну, айда-айда!... А? (задумчиво) Хотя... Побудь пока здесь. Посиди, полетай. Всё живая душа! А я загляну попрощаться, загляну. У меня сутки всего. А если чё, передай той... майской бабочке, что... Ну, в общем... (мотнув головой, зажмуривается) Яблок, я гляжу, нынче до хренища... Лети!

Он сдувает бабочку и выходит. Бабочка летает. СТАРИК опять прикрывает окно.

СТАРИК: Чево нам слушать старпёрские Петькины песни? (идёт к магнитофону) Ну-ка! ... (втыкает вилку в розетку) Забыл... Куда тыкать-то, не знаешь?

СТАРУХА: О! А ищё мужик называется!

СТАРИК: Тю, ты!... Сто лет скоро, а всё туда же!...

СТАРУХА: (подходит) А куда ж, Ванюш? После ста-то?

СТАРИК: Заигрываешь, што ль? (тычет на клавиши) Эта иль эта? Эта! Ну, бери палку, держись! (громко объявляет) Хери метл! Тяжкий рок!

Он дурашливо кричит и включает магнитофон. Громко, режущее гремит музыка.

СТАРУХА: Ой, как оглашенный!... Убавь, убавь!... Оглохну, уверни!

СТАРИК: (перекрикивая музыку) А никак! Внук убавлялку свернул!

СТАРУХА: Уй! (закрывает ладонями уши) Выключи!

СТАРИК: Громко – это по-современному!

СТАРУХА: Унеси к шутам!... Вон, в комнату! Иль я уйду!

СТАРИК: Э-э, бабка, сдаёшься!... Верти костями, мочалка! Вот так! Вот так! Та-ак!... Иль сдаёшься?

СТАРУХА: Я-то? Ах, козёл ты старый!... Где у ты вата? В уши, в уши!... Меня переплясать? Я-то с подпоркой, хе-хе! Так што, держись, Ваня!... Ты меня не выгонишь, я ищё не всё выпила у тебя!

СТАРИК: Едрит ты в корень, пьяница! Ну-ка, вот чё!...

Он берёт со стола хлеб, выбирает из него мякиши, скатывает шарики.

СТАРУХА: В гроб вгоняешь досрочно? Не поддамся!

СТАРИК: Ты ж на трёх, Сань, тебе легче супротив моих стоптанных!... Давай, давай уши!... Во, затычки!

СТАРУХА: Хулюган! Эх и хулюган!... Не выкорчишь потом!

СТАРИК: Штопором выдерну!

Он затыкает уши себе и ей хлебными мякишами. Они смеются, как дети, пританцовывая и показывая друг другу кукиши. За окном шумит дождь, сквозь него пробивается Петькина гармонь. Слышится, как поют: «Живёт моя отрада...»

СТАРУХА: (кричит) Наливай для храбрости!

СТАРИК: (кричит) Усёк!

СТАРИК наливает, они хулигански, «залтом», выпивают и начинают вихляться в такт музыки. Делают это они серьёзно, изредка поглядывая друг на друга, и их взгляды становятся какими-то отчаянно пронзительными. Орёт «маг», шумит дождь, играют и поют у Петьки, но СТАРИКИ этого не слышат. То ли хлебный мякиши, то ли память заглушает всё. Входит ДЕВУШКА в форме лейтенанта. Она коротко стрижена и очень повзрослевшая.

ДЕВУШКА: (тихо, с грустью) Есть кто живой?... Тихо-то как. Пусто-то как. Ну, здравствуй... Здравия желаю. Ну... что сказать? Что, что...

Оглядев кухню, задумчиво идёт вдоль стены, легонько дотрагиваясь до занавески, до печки, до стола, до кровати... Садится, берёт гармонь, тихо «пиликает» «Катюшу».

Ваня... Ваня... Жизнь до тебя казалась мне картинкой, я на неё смотрела как бы со стороны. Радостная и цветная, громкая и тихая, сладкая и горькая... Но когда появился ты, я её ощутила в себе. Вдруг ощутила!... Как торкнулось что-то внутри. Ой, сказала я себе, как хорошо и как надо, надо, надо жить! Наверное, это и есть смысл. Потом тебя не стало, и я опять смотрела на всё, как будто это происходит не со мной. И даже боль... не моя. Может, это меня и спасло? Я понимала разумом, что вокруг... страх господний, а своего страха почти не ощущала. До поры.

На гармонь садится бабочка. ДЕВУШКА замолкает, перестаёт играть. Осторожно, чтобы не спугнуть бабочку, она ставит на место гармонь, грустно улыбается.

Она и пришла – пора... Я его вытащила из земли. Только рука и голова были видны. Я откопала. Он совсем, совсем не должен был жить. А выжил. Я... Как бы это сказать? Я его выходила за тебя!... Пожелай мне счастья, Ваня... Как хочется этого после всего! Так хочется! Ты уж прости меня, а?... Жизнь обрушилась на меня такой тяжестью! Мне было страшно, я соврала, мне было страшно!... И тут – он... из-под земли... Живой! Я схватилась за него, как за самое родное... За самое последнее своё... За свою жизнь! Что мне было делать, что?... Не ответишь. Не ответишь! Всё равно, спасибо тебе!... Пожелай мне счастья, Вань. Пожелай!

Она кладёт бабочку на ладонь, идёт к окну, открывает его, и бабочка улетает.

Прощай.

ДЕВУШКА уходит. И сразу возвращаются все звуки. СТАРИКИ смешно выплясывают, подражая молодым, кричат, подпевая: «Нас не догонят!... Нас не догонишь!» Идёт дождь. Магнитофон играет всё тише и, наконец, стихает. СТАРИКИ, тяжело дыша, стоят у окна, опершись на одну палку, почти касаясь лбами друг друга. Щелчок магнитофона и звучит голос: «Вы слушали концертно заявкам моего суперприкольного деда, которому скоро-скоро будет... Нет, нам с ним будет сто пять лет! Ур-ра-а!»

СТАРИК: Внук баловался... В прошлый приезд... Ух-х!...

СТАРУХА: Держисся? А то свалишься, мне не поднять.

СТАРИК: Я тебя держу за палку!

СТАРУХА: (со смешком) Эт за какую, интересно, Вань, палку-то?

Они тихо, бессильно смеются, трясут головами, вытряхивая из ушей затычки, смущаются за своё ребячество, удивляются ему. Слышится плач ребёнка. Из-за занавески выходит ПАРЕНЬ. Ему уже за сорок. Кудлатая, заметно поседевшая голова, усы, небольшая бородка. Рукава его засучены, в руках бельё. Он быстро развешивает его на верёвку и уходит в комнату, где плачет ребёнок.

СТАРИК: Ты как выражаешься-то!?!... Я, прям, весь в стыде!

СТАРУХА: А чево тебе стыдиться? Танцор ты неплохой, тебе уже ничево не мешает.

СТАРИК: (уходя опять в смех) Танцор диска!... Танец с животом!...

СТАРУХА: (тоже заходясь) Ванька!... Чёрт!... Упаду... Дай сесть!

Они садятся к столу, тяжело дыша и постанывая. После лёгкого стука в дверь, входит ДЕВУШКА. Ей уже за тридцать.

ДЕВУШКА: (зовёт) Иван? Иван Гаврилыч?! Тут?

ГОЛОС: (из комнаты, тихо) Тут, тут!

Из комнаты выходит ПАРЕНЬ, останавливается в замешательстве. Они смотрят друг на друга с интересом и неловкостью.

ПАРЕНЬ: Да я Саньку, вон... Не спит и всё!

ДЕВУШКА: (шёпотом) Ой, а я кричу!

ПАРЕНЬ (тоже шёпотом) Ничё, укачал! А то тут стирать, а он...

ДЕВУШКА: А чё на улицу не вывесишь?

ПАРЕНЬ: Так я только – он орать!

ДЕВУШКА: А Рая, жена?

ПАРЕНЬ: В районе, в больнице.

ДЕВУШКА: Ой, да заболела, што ль?

ПАРЕНЬ: По вашему делу!

ДЕВУШКА: Чё финтишь-то, Иван, «по вашему»! ... Рожает, што ль?

ПАРЕНЬ: Собирается.

ДЕВУШКА: А чё с первым задержался?

ПАРЕНЬ: А куда спешить? Я долгожитель.

ДЕВУШКА: Жена у тебя хорошая. Познакомились. Вы уж как два месяца здесь?

ПАРЕНЬ: Тётка тут жила, померла, дом освободился...

ДЕВУШКА: Знаю.

ПАРЕНЬ: Ну и решили на родину вернуться.

ДЕВУШКА: Да ну и правильно!... Я давно хотела зайти, да всё как-то... не решалась.

А тут познакомились с твоей, мне она понравилась. Спокойная такая, красивая. Любит тебя... Ты поседел!

ПАРЕНЬ: Да уж пора!... А ты, Саш, такая... в расцвете вся!

ДЕВУШКА: Ой, скажешь тоже!... У меня уж двое детей! Ванька осенью в первый пойдёт.

ПАРЕНЬ: Хороша, хороша!... Даже лучше стала! Женщина!

ДЕВУШКА: Но-но-но, Ванечка, я мужа люблю!

ПАРЕНЬ: А я жену!

Они тихо, но весело смеются и видно, что неловкость проходит. Петькина гармонь за окном подхватывает их доброе настроение и играет что-то лирическое.

ДЕВУШКА: Ну, как?

ПАРЕНЬ: (пожимает плечами) Да вот... А ты?

ДЕВУШКА: (тоже пожимает плечами) И я. (пауза) Ой, а чево ж мы не поздоровались? (подходит к нему, легко целует) Здравствуй, Иван.

ПАРЕНЬ: Здравствуй, Саша.

ДЕВУШКА: Странно как-то, да? И мы, и дом, и Петька...

ПАРЕНЬ: Всё хорошо.

ДЕВУШКА: Хорошо.

ПАРЕНЬ: Всё правильно.

ДЕВУШКА: Правда, правильно? А то я... А вы заходите к нам. У меня замечательный муж!

ПАРЕНЬ: Зайдём, а как же!

ДЕВУШКА: Н-ну, я пошла. Давай захвачу бельишко, развешаю.

Она снимает с верёвки бельё. Слышится плач ребёнка.

ПАРЕНЬ: Проснулся.

ДЕВУШКА: Санька? На кого похож?

ПАРЕНЬ: На себя!

ДЕВУШКА: (обернувшись в дверях) У меня Ванька, у тебя Санька!

ПАРЕНЬ: Не так. У меня Санька, у тебя Ванька!

Они кивают друг другу, и ДЕВУШКА уходит. ПАРЕНЬ идёт в комнату.

СТАРУХА: Ну, нагулялись? Видно, домой пора.

СТАРИК: Сиди, чево.

СТАРУХА: Скажут ищё чё. Скомпормитируюсь!

СТАРИК: Меня ты уже скомпормитировала!

СТАРУХА: Эт чем же я тебя?

СТАРИК: Губами крашеными! А если б кто заглянул, чё ты здесь вокруг палки выделывала! У-у... Трёптиз! И надо же! Как пионерка! У тебя уж паспорт кончился, а ты всё живёшь! Да ищё пляшешь!

СТАРУХА: Живу и жить буду! (встаёт, приплясывает частушку) И петь буду, и плясать буду, а время придёт помирать буду! Ух!.. Наливай на посошок! В первый раз тебе девяносто, а ты жадничаешь!...

СТАРИК: И правда, уморил девку! (наливает) Эх, раз пошла такая пьянка, режь последний огурец!

СТАРУХА: (поднимает стакан) За деток твоих, за внуков твоих, за правнуков...

СТАРИК: Трррр, бабка! Нащёт правнуков я ищё не целованный!

СТАРУХА: У ты вся жизнь впереди, какие твои годы!

Они чокаются, СТАРИК выпивает, закусьивает. Старуха отставляет стакан, крутит головой, смотрит по сторонам «осоловелыми» глазами.

СТАРУХА: Ой, а я, кажись, уже в дупель пьяная! Встала дура! Щас запою.. Как в мультфильме... В мильфульте... Ой, чё со мной? (падает на табуретку) Ваня, ты пьяный! (кричит) Петька! Петька, давай мою любимую! Петь хочю!

Петька, будто услышав, играет: «Вот кто-то с горочки спустился...»

Вот зараза Петька, прям, в самое то!... Ваня, какой ты... Помолодел, прям, за сёдни... Нам, бабам, пить нельзя! У нас сразу все хорошие-хорошие вокруг... Нет плохих мужиков, есть мало водки!... Запевай! (поёт) Вот кто-то с горочки спустился,

Наверно, милый мой идёт.

На нём защитна гимнастёрка...

Пока она поёт, СТАРИК уходит в комнату и быстро возвращается. На его голове военная фуражка. СТАРУХА осекается.

СТАРИК: (козыряет) Капитан запаса! Алтирелист!

СТАРУХА в восхищении поднимается, пошатываясь, идёт к нему, кладёт свои ладони ему на грудь и долго смотрит в лицо Из комнаты с недовольным бурчаньем выходит ПАРЕНЬ. Ему уже за шестьдесят. Он в форме капитана, на груди – в три ряда ордена и медали. ПАРЕНЬ пытается оглядеть себя со всех сторон, одёргивает китель, хмурится. За окном гармонь, голоса, смех.

ПАРЕНЬ: Далось им!... Я, што ль, на службу иду? Ну, как маленькие, ей богу! Куда она подевалась-то? (что-то ища, уходит в комнату)

В окно заглядывает ДЕВУШКА. Время не остановилось и для неё. Ей за пятьдесят. Она возбуждена, весела.

ДЕВУШКА: Ну, долго ждать, Иван?

ПАРЕНЬ: (из комнаты) Да фуражку не найду, мать её!...

ДЕВУШКА: На кой она тебе? Там жарница, дыхнуть нечем!

ПАРЕНЬ: (выбегает из комнаты) А на кой мне этот маскерад?! Все в майках, а я чучелом ряженым!... Кто в армию идёт, я или Лёнька? Вот пристали!

ДЕВУШКА: (с восхищением смотрит на него) Дурак ты, Ваня!... Ты щас, прям, маршал, а не чучело! Ой, как бы мужа не бросить, тьфу, тьфу, тьфу!... (кричит во двор) Девки, встречайте пенсионера-алтирелиста! Только подолы сразу не задирайте!

ПАРЕНЬ: Санька, стерва!... Не пойду!

ДЕВУШКА: Полон двор гостей, а он не пойдёт!

ПАРЕНЬ: Без фуражки не пойду! (наклонившись, трясёт волосами) Куда с этими кудлами?! Как бандит из лесу!

ДЕВУШКА: А давай мы их причешем.

Она залезает в окно, берёт с припечки расчёску, расчёсывает ПАРНЯ.

Ну, не кобенься!... Рая твоя попросила поторопить тебя. Иди, говорит, меня не послушает, а Лёнюшка уж больно хочет... Уважь сына-то на проводах! Они там с моей Любашкой восседают!... Он погордится тобой хочет. Тоже, вить, в офицеры идёт... (отстраняется от него, оглядывает) Хорош!... Вань, а Вань, ты и помирать намерен, не старея? Интересно б глянуть!

ПАРЕНЬ: Ага, хрен тебе, «глянуть»! Я на тебя гляну!

ДЕВУШКА: Не дамся! А то увидишь, какая я старая да страшная лежу!... Не, не дамся!
Переваливается опять через подоконник.

ПАРЕНЬ: А куда ты денешься?!... (выпивает водку, крикает) Готов!

ДЕВУШКА: (кричит во двор) Бабы, запевай! Петька, играй, не сачкуй! (запевает) Вот кто-то с горочки спустился,

Наверно, милый мой идёт....

ПАРЕНЬ выходит, и тут же во дворе подхватывают: «На нём защитна гимнастёрка, она с ума меня сведёт!...»

СТАРУХА: (поёт, поглаживая грудь СТАРИКА)

На нём погоны золотые

И яркий орден на груди!...

Зачем, зачем я повстречала

Его на жизненном пути?

Она допевает куплет и только тут замечает, что гармонь за окном молчит.

Петька? Петь, ну побалуй ищѐ, утешь старуху! Может, последний раз гуляем!

Но вместо Петьки вдруг неожиданно и громко вступает духовой оркестр. Играется красивый марш. СТАРИКИ подходят к окну.

СТАРИК: Теперь детдом этих... скрипок провожает. У них духовой! Хороший! Вон они как, вон!... На праздники всегда дудят! О, о как! А?

СТАРУХА: Я тоже люблю. Вот тебе мой подарок, Иван Гаврилыч: помрёшь, закажу духовой на всю пенсию, и сама за барабан встану!

СТАРИК: Спасибо, Александра Алексевна!...

СТАРИК вдруг всхлипывает, быстро идёт к столу, наливает в стакан водки и, не выпив, с рыданьем опускается на табуретку. СТАРУХА подбегает к нему.

СТАРУХА: (гладит его) Да што ты, Ваня? Да што ты, родной мой? Пошутила я!... Ой, пошуту... шутила! Да чево ж ты, миленький? Не буду я барабанить!... Я уж там буду... Встречу, как роднова... Не плачь, Иван!

СТАРИК: (рыдая) Младшенький мой!... Последыш мой... Лёнюшка!...

СТАРУХА: Вон ты чево вспомнил! Пятнадцать лет уж! (обнимает его, плачет) Хотя... Поздний, он самый дорогой.

Входит женщина в фуфайке, платке. Ей за шестьдесят. Седая прядь из-под платка, лицо приятное и не старое. Это... ДЕВУШКА. Прислонившись спиной к косяку, она какое-то время скорбно стоит, поглядывая на дверь в комнату.

ДЕВУШКА: (тихо зовёт) Ваня?... Это я, Саша. Как ты?

Из комнаты медленно появляется ПАРЕНЬ. Он совсем сед, ему уже за семьдесят. Он стоит в дверях, придерживаясь правой рукой за стену. Видно, что левая половина, начиная с лица, его не совсем слушается. Он пытается что-то сказать, но не может.

ДЕВУШКА: А ты не говори, Вань, не надо, я всё знаю. Мы с Раей твоей хорошо поговорили. Обо всём!... Поехала она... привезёт ево... А Саня, знаю, за профессором в город... Знакомый там у него, друг даже. Хороший профессор, он всех шишек лечит! Они там все еле ходют, а после него аж бегают! А тебя-то, такова здорова да крепкова – эт ему только плюнуть! (сдерживает и не может сдержать слёзы) Ты не переживай, што не поехал с Раей. Она, што ж... она мать. И Люська при ней, дочка-то ваша. Привезут... Ой, батюшки мои! ... Да што ж это делается?! Любашка моя убивается... Так уж убивается! Любила она его,

Лёнюшку твоего, сильно любила! И... и... и он её... Пожениться решили. И они не стыкнулись. Вишь как?!... Месяц!... Всего месяц не дожил! (вытирает слёзы, успокаивается) Вон, с утра марши гоняют по радио, по телевизору. Слава богу, выводят наших солдатиков! Выводят, да без нашего Лёни!... Чё ты, Вань, чё? Помогу!

ПАРЕНЬ медленно, по стенке идёт к окну. За окном духовой оркестр играет красивый марш. ДЕВУШКА поддерживает ПАРНЯ. Они стоят, слушают. Потом идут к столу, ПАРЕНЬ показывает на стакан с водкой. ДЕВУШКА подносит стакан к его рту, он долго пьёт. Выпив, отстраняет ДЕВУШКУ, идёт к комнате. У дверей оборачивается, пытается улыбнуться.

ПАРЕНЬ: (с трудом, малопонятно) Не плачь, Сашка. Я живучий. Спас... меня... держит. Он скрывается в комнате. ДЕВУШКА крестит его вслед и тихо выходит. Духовой оркестр делает последний, звенящий тарелками аккорд и смолкает. СТАРИКИ, обнявшись, сидят у стола. Гудят машины, сигналият, взвизгивает «прощальная» скрипка, и всё стихает. Молчит и Петькина гармонь.

СТАРУХА: Вот и погуляли мы на Спас, Ваня, как ты обещал. И пили, и ели... И танцевали. И пели. Два оркестра и Петька.

В окно кто-то зовёт: «Дед? Дед, дома?» СТАРИК подходит к окну. В его руках оказывается свёрточек из старой пожелтевшей газеты, перетянутый крест накрест верёвкой. СТАРИК тяжело опускается на подоконник.

СТАРИК: Письма... Мои к тебе письма. Петька получал, пока тебя не было. Потом, когда ты... увидела похоронку, не решился отдать. Чё, мол, травить-то!... Я проездом был, зашёл... Ох, он и... Убивался сильно! Если б знал, говорит, если б знал. Я сложил их стопкой в газету, перетянул... Оставил ему. Спросит, сказал, передай. А тут ты замуж!...

СТАРУХА: (тихо) А была я, Вань, заходила. Петьку не видала. Сказали, повезли его ногу дальше отрезать. Я здесь, в Калаче была... Рукой подать! Петька...

СТАРИК: Да... И опять он не сумел. А тут и я... И все мы нарисовались. Он сказал, што тётке давно отдал, письма-то. Просил за што-то прощения, опять плакал. А сам, вишь... Случая ждал. Поправить, што ль, хотел... свою ошибку?... Нет за ним никакой вины. Чево он? Столько лет! И чево он про них вспомнил?

СТАРИК идёт к печке, кладёт в неё свёрток. СТАРУХА тоже подходит. СТАРИК чиркает спичкой, свёрток с трудом, но загорается. Они стоят, прислонившись к печке по обе стороны от огня. В их глазах слёзы.

СТАРУХА: Это мы с тобой, Вань?

СТАРИК: Мумии наши, Сань.

СТАРУХА: (протягивает руку к огню) Врёшь, мумии тепло не чувят. А мы, как бабочки, и перед смертью к теплу тянемся!

И вдруг в окно влетают две бабочки. Они порхают, не отставая друг от друга, играют в свои весёлые «догонялки». СТАРИКИ с усталой печалью следят за ними.

СТАРИК: Отпусти ты меня, Сань. Устал я. Вот, давай, дождусь завтра детей и потом – прощай. Не держи больше, Христом богом прошу!... С утра об этом думал. Придёт, думаю, и скажу: сдаюсь, мол, не могу дольше! Потому и сидел, не пил. Пропускаю тебя, как женщину, вперёд – живи. Ты молодая. А мне хватит. Пожалей старика! И прости, если чево не так!

СТАРУХА: Нет, Ваня, не хитри! «Пропускаю»! ... Мы с тобой не в очереди за килькой. И я к тебе с тем же шла!

СТАРИК: Тебе нельзя!... Я завтра детей хоть повидаю, порадуюсь с ними. Может, нам с тобой жизнь уже и не нужна, а им-то как же без нас? Сразу и без нас!? Обидются! Запрещаю я тебе, Сань!... Сперва

своих повидай тоже, порадуйся на них, успокой. А там уж твоё дело. А так – нехорошо!

СТАРУХА: Ну, мне твои запреты... Устал он! А я не устала? Сколько же мне моты- ляться-то?... Тогда знаешь што? Тогда уж давай в один день, штоб никому обидно не было!

СТАРИК: (усмехается) Ну, давай в субботу.

СТАРУХА: (тоже с улыбкой) Понимаю. После бани, штоб людям хлопот поменьше. (повязывает на голову платок) Ну, спасибо за именины. Не сердчай на старуху! Пойду попро- ведаю Петьку, молчит чё-то. Кабы чево... (одевает кофту, берёт со стола бутылку) Ево доля осталась. И яблочков ему сыпни на закуску.

Она поднимает подол фартука, СТАРИК ссыпает в него яблоки со стола. Одной рукой держа подол, другой опираясь на палку, СТАРУХА идёт к выходу. За окном какой-то шум, топот, слышны голоса: «А чего? Чего?», «Петька, говорят, помер!» СТАРУХА вздрагивает, отпускает подол, и яблоки рассыпаются по полу. СТАРИК идёт к кровати, садится, берёт гармонь и вдруг яростно играет «Отраду». Играет умело, чётко, красиво. СТАРУХА, полу- обернувшись, смотрит на него.

СТАРИК: (плача) Тогда, в сорок пятом... Когда я проездом... Пили мы с ним сутки... Просил я ево «Отраду» играть... Как он играл! Как мы с ним плакали!... «Научи меня, Петька, научи!» – пристал я к нему... И он давай учить! Сутки напролёт! Пока кнопки не запали!.. (резко обрывает игру) Не помру, переходи ко мне жить.

СТАРУХА: (стирает ладонью краску с губ) А так?

СТАРИК: И так переходи.

СТАРУХА: (чуть ли не падая, приваливается к косяку) Петька звал, не пошла... Помер. К тебе не пойду, помрёшь?

СТАРИК: Помру!

СТАРУХА: Вот и дождалась, старая, предложения.

Она возится в своём кармане, вытаскивает из него маленький узелок из носового платка, дрожащей рукой развязывает его и протягивает на ладони в сторону СТАРИКА. На платке – маленькое, ссохшееся до черноты яблочко. СТАРИК, мотнув кудлатой головой, делает сочный аккорд и громко, и молодо запекает:

Живёт моя отрада
В высоком терему,
А в терем тот высокий
Нет хода никому!...

Летают бабочки, играет гармонь, поёт «молодой» СТАРИК, слушает «молодая» СТА- РУХА.

Войду я к милой в терем
И брошусь в ноги к ней!...
Была бы только ночка,
Да ночка потемней!

ЗАНАВЕС

СЁМКА-МАРГИНАЛ ПАСТОРАЛЬ

СЕМЁН
АНЮТА
ДУСЬКА
ДАНИЛА.

СТОЖОК И ВСЕ-ВСЕ

Вечер. Небольшой стог соломы. С одной стороны стоит Семён, заряжает ружьё. С другой стороны из стога торчат две головы – Дуська и Данила. Издалека слышится радио.

РАДИО: (муж. голос) Местное время... Да где часы-то? (жен. голос) На гвозде, где! Сам повесил! Допился?! (муж. голос) Брысь, не гавкать! Значит, местное время... Блин, стоят! В общем, около одиннадцати. Так что радиоузел заканчивает свою работу. В койку, сельчане!

Женский визг, мужской смех, щелчок – и тишина.

СЕМЁН: (ворчит) Попробуешь, чтоб жизнь сладкой не казалась, деревенской-то соли! А то ишь!... Надо бы дробью, да, боюсь, засудят. Ну ничего, попляшешь, а там поглядим... Может и драпанёшь сразу к мамке в город, в ванную, причандалы отмачивать!

Другая сторона стога.

ДУСЬКА: (шёпотом) Ты его не знаешь! Он же дурной!

ДАНИЛА: (так же) Ты чё, про отца-то?

ДУСЬКА: Эт не я, эт мама так, когда... ну, в общем...

ДАНИЛА: Плохо живут?

ДУСЬКА: Да ну да! Они друг за дружку всем хари поразбивают!

ДАНИЛА: А тогда чё «дурной» -то?

ДУСЬКА: В другом смысле.

ДАНИЛА: В каком?

ДУСЬКА: Вот в этом вот, в самом! Ну, что... Дискотека – развратный шалман, пляж – лежбище голых «б»! И чтоб в девять – как штык дома!

ДАНИЛА: Так и говорит напрямую?

ДУСЬКА: Про чё?

ДАНИЛА: Про голых «б»?

ДУСЬКА: Нет, просто «б».

Сторона Семёна.

СЕМЁН: Дуську как бы не зацепить... И хорошо бы в зад ему запиндюрить! Оно тогда посмешней выйдет, попозорней! Моя ещё... дурёха тоже... (передразнивает) Джульетта! Ромео! Тринадцать!... У цыган и в одиннадцать лет хрен чё знает бывает! Так что ж, вместо школы – замуж? (устраивается в засаде) Пропущу, чтоб прошли... И потом... Гавкнуть, что ль, попробовать? Дуська собак боится, отскочит, а я ему влеплю и... А там уж что будет!

Сторона Дуськи и Данилы.

ДАНИЛА: Ты сиди, я один пойду. Спросит, скажу ты дома давно. А потом...

ДУСЬКА: Боишься?

ДАНИЛА: Кто, я? (вылезает из стога) Я пошёл!

ДУСЬКА: Стой! (вылезает из стога) Вместе пойдём! Или боишься?

ДАНИЛА: За тебя боюсь! Чё мне-то?!

ДУСЬКА: За меня не надо!... Считаем до десяти и пошли.

Сторона Семёна.

СЕМЁН: Считаю до пяти, не появятся, сам пойду! Раз, два, три, четыре, пять... Пойду, поищу, где...

Прячет ружьё в солому, уходит. С другой стороны появляются Дуська с Данилой.

ДАНИЛА: (тихо ей) Проходим, как будто не замечаем.

ДУСЬКА: А его нет!

ДАНИЛА: Тихо! В соломе он.

ДУСЬКА: Да мы ж только из соломы!

ДАНИЛА: Ну и чё? Прошлый раз тоже думали, что мы одни, а оказалось?

ДУСЬКА: (смеётся) Да если б Танька не захала тебе каблуком в глаз, то мы бы и не догадались, что они там с Толяном обжимаются!

ДАНИЛА: А сверху ещё ваш татарин спал!

ДУСЬКА: Он не наш, он пастух! (оглядывается) А правда, куда папанька-то делся?

ДАНИЛА: А был ли мальчик?

ДУСЬКА: Какой мальчик?

ДАНИЛА: Это так говорится. В смысле, был ли тут твой папанька? Вопрос!

ДУСЬКА: Какой вопрос? Я чё, глухая?

ДАНИЛА: Может, опять татарин? Бубнил себе, а ты...

ДУСЬКА: И чего это татарину про меня бубнить? «Дуська, Дуська!»

ДАНИЛА: Ну, не знай...

ДУСЬКА: Щас узнаем. (зовёт) Илька-дед?! Ильяс Равильевич Гарифуллин, коровы разбежались!

ДАНИЛА: По быкам!

ДУСЬКА: Тихо ты!... Погоди!. (зовёт) Папань?! Пап? Семён Алексеич?

ДАНИЛА: Говорю, никого! Показалось тебе.... Посидим ещё? (салятся с этой стороны стога) Слушай, и чего ему на меня злиться?

ДУСЬКА: За меня переживает. Ты приехал и уехал!

ДАНИЛА: Я уже второй год езжу.

ДУСЬКА: А чего ты ездешь? У тебя ж там сладкая жизнь! У папки казино на набережной... Девки голые у шеста! Чего тебе?

ДАНИЛА: Чё мне девки?

ДУСЬКА: А то! Танька, вон, с Толяном чё обжимается? Ей замуж надо, она беременная!

ДАНИЛА: А я тут при чём?

ДУСЬКА: Ты!... И Толян не при чём! Ой!... Дань, ты только это... никому, а? Понимаешь, приезжал тут один... С похудением каким-то... И ещё говорил, что этой... Как её? А-а, коррекцией фигуры занимается! А у Таньки сдвиг на своей толщине. Ну, он её и скорректировал!

ДАНИЛА: А Толян?

ДУСЬКА: Он хороший. Она очень хочет его полюбить! Ой, господи, мы же никого тут не видим! (пауза) Влюбилась она в того корректировщика. Не просто так, не думай.

ДАНИЛА: А я и не думаю.

ДУСЬКА: И не думай!... У неё мать одна, и ещё братишка младший в пятом классе. Ей замуж надо!

ДАНИЛА: Да знаю я всё!

ДУСЬКА: Ничего вы там не знаете!... Ладно, поздно уже.

Она встаёт.

ДАНИЛА: Дусь, а чё тебя Дусей назвали?

ДУСЬКА: Евдокия. Отцу нравится.

ДАНИЛА: А правда, что твой отец твоей матери в любви на поле расписался: «Ай лав ю» маком?

ДУСЬКА: И никакой ни «ай лав», а просто «Люблю Анюту»!

ДАНИЛА: Здорово!

ДУСЬКА: А чем тебе «Дуся» не нравится?

ДАНИЛА: Да нет... Дуся. Дуся. Ласковое такое!

Подходит мать Дуськи Анюта.

АНЮТА: Дусь, ты тут?

ДУСЬКА: Тут мы, мам.

АНЮТА: А отца не видали, сюда пошёл? Здравствуй, Данил.

ДАНИЛА: Здравсьте, тётъ Ань.

ДУСЬКА: Не видали, мам. Вроде был, а где... сами не знаем.

АНЮТА: Пора, идите. Данилка, ты уж проводи!

Данила встаёт.

Завтра репетиция, Дусь, прям с утра начнём. Ты б заглянул в клуб-то, попробовал, а, Данил Валентиныч?

ДУСЬКА: Мам, ты чё?! Он же уедет!

АНЮТА: Задержим на денёк-два!

ДАНИЛА: Да не знай, тётъ Ань.

АНЮТА: Ну ладно, идите.

ДУСЬКА: А ты?

АНЮТА: Я отца подожду.

Дуська с Данилой уходят. Анюта смотрит им вслед, потом садится на их место.

Батюшки ты мои! Сто лет в сене не кувыркалась! Вот как Дуську сообразили и... И всё!

(тихо запекает) Сладку ягоду...

Голос Семёна подхватывает: рвали вместе... Подходит Семён.

СЕМЁН: Горьку ягоду ты одна?

АНЮТА: Что ты, Сём, вместе, всё вместе!

СЕМЁН: Да нет, неправду чую!

АНЮТА: Сядь, Сёмочка, сядь родной.

Семён садится рядом.

СЕМЁН: Её нигде нет!

АНЮТА: Да дома она давно! ... Я потому и пришла. Ружьё-то где?

СЕМЁН: Тут. В соломе.

АНЮТА: Наделаешь делов-то! Н-ну? Ну, чего ты? (поёт на известный мотив) Ой, Сёма, Сёма, Сёмочка, с ней случай был такой!... (ложится) Ты давно видел звёзды?

СЕМЁН: Чего я? ... Вон они!

АНЮТА: Ляг, глянь какие...

Семён ложится.

Дуське семнадцатый год уже.

СЕМЁН: Ещё только!

АНЮТА: Нет, уже, Сёма, ужжже! Ты мне в семнадцать лет целое пшеничное поле расписал!

СЕМЁН: Ржаное.

АНЮТА: Ну, ржаное. Ты мне скажи, чего ты так разволновался?

СЕМЁН: Это он Данилу подсылает! Чую, он!

АНЮТА: Ты, прям, как зверь – чую! Это ж и его родина, отец его тут, дед Данилы.

СЕМЁН: Дед всегда тут был!... Не-ет! С тобой не получилось, так дочь хочет увести! Через сына! Чтоб Дуська в его борделе голой крутилась!

АНЮТА: Ну-у, всё в одно собрал! Брось, рано ещё про Дуську-то. (прижимается к нему) Не дура она у нас с тобой. У нас с тобой ты дурачок!

СЕМЁН: (ворчит) То не ездили, а как подросла, так второй год.... Дед-то дед!

АНЮТА: Да если б не Авангард Леонтьич...

СЕМЁН: (садится) А чего Авангард Леонтьич?

АНЮТА: (тоже садится) В армию тебя отправил вместо тюрьмы, вот чего!

СЕМЁН: Ага, но до этого его сынок на самолёте тебя над ржаным полем покатал!... Чтoб ты посмотрела и ахнула – как... он тебя любит! Всю химзащиту из-за сынка поднял на крылья твой Авангард!

АНЮТА: Да не Леонтьич это! Ты же сам говорил, что Валька уболтал лётчика пролететь за две бутылки и ещё за что-то...

СЕМЁН: Говорил! За путёвку в лагерь для его дочки! Говорил! Чё для его отца путёвочку-то сделать тогда было. Зато перед тобой... Ну?! Ну и чё, красиво красное на зелёном?

АНЮТА: Красиво!

СЕМЁН: (вскакивает) Так вот теперь знай!... Вот уж про это, я тебе никогда не говорил, и никому не говорил, но это и правда он, Валька, расписался на поле! Красным маком по зелёной ржи: «Люблю Анюту!»

АНЮТА: Что ты несёшь, Семён?

СЕМЁН А потом в штаны наклал!... Как же, полполя мака! Люди к председателю: кто да кто? А это председателев сынок! А тут Сёмка-голодранец подвернулся, в герои полез – я, мол, это... У Сёмки-то даже на две бутылки денег не было, а на какие шиши и где он приобрёл два мешка мака, чтоб засеять, никто спросить не удосужился!... А Авангард Леонтьич спас, куда там! Меня в армию, а сынок – в университет! Ага, спасибо! Не-ет!... (роется в сене, достаёт ружьё) Теперь уж...

АНЮТА: Кого убивать-то собрался?

СЕМЁН: Кого надо!

АНЮТА: (ласково) Погоди, Сём, потом... (шепчет ему на ухо) Оторвалась пуговица и случилась путаница, да такая путаница – прямо жуть! Как в такую путаницу, да без той без пуговицы, да штаны к рубашке нам не пристегнуть?...

Она прижимает его голову к своей груди, гладит его, он затихает.

Валька тогда уж на второй курс перешёл... Тебе до армии с месяц оставалось... Ты дорабатывал на своём комбайне... Была уборка... Вот это... пшеничное поле было не убрано... Валька ночью взял твой комбайн и прокосил буковки... А утром мы, и ты, на «АН-2» пролетели над полем... Валька показывал, а ты молчал... Когда сели, ты сразу ушёл... Авангард Леонтьич ругался, что много пшеницы загубили... А ты сказал, что это ты... А Валька промолчал... И не было тогда никакого мака!

СЕМЁН: (всхлипывает) Не было.

АНЮТА: И не было красного на зелёном. Была зрелая пшеница.

СЕМЁН: (плачет) Не было... Была пшеница... А я во ржи хотел... В озимой... Чтoб красиво...

АНЮТА: Сём, всегда хочу спросить, почему именно во ржи?

СЕМЁН: Не знаю. Ржаной, ржаная... Слово крепче, красивше. Ржаное поле!

АНЮТА: А-а... Да!

СЕМЁН: (в плаче) Ну, почему у меня так... всегда... Почему не так? Почему? Эх-х, жизнь моя... ржаная!

АНЮТА: Сказочник ты мой!... Брось ружьё-то... Приляг...

СЕМЁН: Пальнуть бы!

Она опрокидывается на спину, тянет его к себе. Он отбрасывает ружьё, и тут раздаётся выстрел. Семён с диким криком вскакивает и, держась за свой зад, бежит вокруг стога. Анюта хохочет.

ДУСЬКА, ДАНИЛА И...

День. Тот же стог. Данила с удовольствием «дурачится» на сене. Дуся сидит, сжавшись, обхватив колени. Данила перекачивается к её ногам, и вдруг затихает. Смотрит на неё.

ДУСЬКА: Что ты так смотришь? Думаешь, если папа хворает, то... уже можно... так... что ли?

ДАНИЛА: Я не потому!

ДУСЬКА: Нет ты потому!

ДАНИЛА: Нет! Солнце просто!... Тихо! Красиво!... Воздух какой-то... такой хороший. Вдохни! Видишь? А? И... И у тебя платье короткое! И ещё...

ДУСЬКА: (вскакивает, чуть отходит) И ещё ты дурак!

ДАНИЛА: И ещё я дурак! А так платье ещё короче!

Дуся одёргивает платье, тянет его к коленям.

ДУСЬКА: Я просто... Оно малое... Мамино, давнишнее... Да дура просто!

ДАНИЛА: Евдокия... Красивое имя!

ДУСЬКА: Да чего ты? ... Дура просто!

ДАНИЛА: (любясь ею) Не-е, не дура! Не-е...

ДУСЬКА: (испуганно) Ты чё? Не надо!

ДАНИЛА: А где то поле?

ДУСЬКА: Какое то?

ДАНИЛА: Ну, то, на котором твой отец... про любовь...

ДУСЬКА: А-а... Да вот оно!

ДАНИЛА: (вскакивает) Как? Прямо вот это?

ДУСЬКА: Ну да, а чё? Оно ещё дальше клином врезалось. Во-он, до школы и до больницы. Клуб почти отрезан был, так всё, что посеют, вытаптывали. Не обходить же! И вообще, кто тебе сказал про всё про это?

ДАНИЛА: Ты.

ДУСЬКА: Я – потом, когда ты уже спросил!?

ДАНИЛА: Ну, отец. Мой отец. Только он приврал, наверное!

ДУСЬКА: Почему так думаешь?

ДАНИЛА: Сказка какая-то!... (встаёт, странно смотрит на неё) Был у меня друг Семён. Засеял он поле озимой рожью. Весной оно было зелёное-зелёное! А в начале лета покраснелось посередине. Однажды люди проснулись, поднялись в небо и полетели над полем. Тогда «АН-2» было много, они летали, как бабочки, и все, кто хотел, могли посмотреть сверху на свою землю. То, что они увидели, поразило их: посреди зелёного поля горели на солнце огромные маковые буквы! Рябило в глазах, самолёт летел быстро, и никто не успел прочесть. «Что там написано?» – спросила Аня. «Ай лав ю!» – ответил ей парень. Но это был не Семён. Он уже был в армии и ничего-ничего не видел.

ДУСЬКА: (тихо) Приврал.

ДАНИЛА: (медленно идёт к ней) Никто не косил это поле. Рожь и мак осыпались, но весной всё проросло, и всё повторилось. И так, пока не вернулся Семён. Он сказал, что было написано во ржи. И Аня вышла за него замуж. У них родилась дочь Евдокия!... Сказка?

ДУСЬКА: А чё тебе-то?

ДАНИЛА: А может, я рождён, чтоб сказку сделать былью? А? Хочешь?

ДУСЬКА: Нет! Я вообще ничего не хочу! (отбегает, останавливается) И не надо мне никаких сказок, хватит!

Убегает.

ДАНИЛА: (вслед) Дусь? Дусь, ты чё? (тихо, себе) А мне надо!

СЕМЁН, АНЮТА, ПОЖАР И ЗВЕЗДОПАД.

Ночь. У стога, опираясь на палку, стоит Семён. Подходит Анюта.

АНЮТА: Сём, чё не спишь-то?

СЕМЁН: Да, думаю, пока никто не видит, похожу, подышу.

АНЮТА: Ну, дышал бы около дома, а то сюда...

СЕМЁН: А куда? Здесь простор. (вздыхает) Август... Звездопад, вон... Видишь, летают как?! О, о! О, ещё! Прямо, на землю, поди.

АНЮТА: Да. А я тоже думаю: ну, чё, август, а он спит. А, гляжу, тебя нет! Я сюда. А ты здесь. Хорошо!

СЕМЁН: Здесь. Ничего, ничего, Анют. Дыши!

АНЮТА: (прижимается к его спине) Брось ты, Семён, брось!... Ты знаешь, я так рада! Это же – чик! – и заработало! Чик – и готово!... У меня руки отходить стали.

СЕМЁН: Я знаю, Анют. Дело не в этом.

АНЮТА: Ну, как же... Это тоже дело, мы же живём?!

СЕМЁН: Живём. (поворачивается к ней) Дай мне твои руки.

Анюта протягивает ему руки.

Ничего. Костяшки помягче стали... А подушечки совсем... Как у девочки! (улыбается) Конечно, а что ж! На Марс, вон, садимся, а уж какую-то стиральную машинку, что ль, не придумаем? Господи, делов-то! Не-е, сейчас без этого нельзя! Ничего, ничего!... Хоромы себе достроим, успеем! А Дуська в школу пойдёт – компьютер ей! Последний год, пусть изучает. А то что там в школе узнаешь, по очереди-то? Стоят, ждут, чтоб раз на кнопку нажать! А дома – чик! – и всё! А как же? И микроволновка, я щас думаю, нужна! Где курицу, где пирожок какой подогрел, где салат... Не, салат в печку не надо, но всё равно!

АНЮТА: Сём...

СЕМЁН: Тебе шубу к Новому году надо! Новую! Обязательно надо!

АНЮТА: Дусе лучше.

СЕМЁН: И ей обязательно! А как же? Ничего, ничего!...

Он шумно вдыхает, так же шумно выдыхает и замолкает. Смотрит на звёзды.

АНЮТА: (тихо) А это поле мы обратно выкупим, ты не переживай. Потом выкупим!

СЕМЁН: Конечно, а как же... Да что «это, это»? У нас этих паёв до хрена собачьего! Правда же? А уж это-то... (оглядывается) Жаль бегать сейчас не могу! Э-эх!... Он ходит, но зад его с раной забыться ему не даёт... Пушкин! Или Лермонтов?

АНЮТА: Чего ты?

СЕМЁН: (хмуро) Поджёт бы и убежал!

АНЮТА: Вот дурак-то! Сгорим же все!

СЕМЁН: Не сгорим! Роза ветров не туда!

АНЮТА: Для тебя она всегда туда!

СЕМЁН: (обиженно) Куснула, да? Ну, давай, давай!...

АНЮТА: Я не кусаю, я жалею... всех нас. Как Данилка стал за Дуськой ухаживать, ты, прям, извёлся весь! Прошлый год ещё ничего, а в этот... И чего вроде бы?!

СЕМЁН: Чую я...

АНЮТА: Ноздри заткни, чтоб не чуют!

СЕМЁН: (злится) Не ноздрями, а вот этим! (стучит себя в грудь) У тебя тут ничего? Не ёкает?

АНЮТА: Всё у меня ёкает, но не беситься же! Ну, всё, всё! (гладит его грудь, щёки) Сядем. Подумаем, помечтаем.

СЕМЁН: «Сяделка» не даёт! Так что, спасибо, пешком постою! Смешочки, да? (отстраняется от неё) Я предлагал ему другой клин, там и выпас хороший, а он – нет! Этот и всё!

АНЮТА: Кто?

СЕМЁН: Авангард твой, Леонтыч! И главное, до этого на любой надел был согласен, а как Данила приехал – заартачился! Почему?

АНЮТА: Да ёлки твои палки!... Пойдём спросим!

СЕМЁН: Куда-а человека среди ночи-то...?

АНЮТА: Ну, ты же вскочил среди ночи?

СЕМЁН: Я? Погулять вышел!

АНЮТА: (неожиданно) Дай спички!

Семён машинально протягивает ей коробок спичек. Анюта чиркает спичкой и бросает её в стог. Стог вспыхивает.

Гори оно синим огнём, это поле!

СЕМЁН: Ты чего, Анют, ты чего? Сгорим же!

АНЮТА: Роза ветров не туда!

СЕМЁН: Какой на хрен... твоя роза ветров!

Выхватывает охапки соломы, отбрасывает их в сторону. Стог разгорается. Семён сдёргивает с себя рубаику, пытается сбить ею пламя. Загорается и рубаика. Семён бросает её в огонь, торопливо снимает штаны и с криком хлещет языки пламени.

Хрен вам всем!... Ничего, ничего!... И холодильник старый заменим!... «Бошевский» возьмём!... Два с половиной метра!... Под потолок чтоб!... И «шестёрка» остохренела! Хватит!... Ильке-пастуху отдам, пусть за коровами на ней гоняет!... А нам на «БМВ» пора... Пора-а!... Я вам покажу розу ветров! (горланит) Пора-пора-порадуемся волдырям на жопе, судьбе не раз шепнём «мерси боку»!...

Глядя на него, Анюту разбирает странный азарт. Она снимает с себя халат, хлещет им по огню. Халат вспыхивает. Анюта вертит его горящим «пропеллером» над головой, бежит вокруг стога

АНЮТА: Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, Преодолеть пространство и простор!
Семён бросает остатки своих штанов в костёр, подхватывает песню.

Нам разум дал стальные руки-крылья,

А вместо сердца – пламенный мотор!

Всё выше и выше, и выше...

Анютка тоже бросает догорающий халат в огонь, подбегает к Семёну, утыкается ему лицом в грудь и, вдруг, всхлипывает, и тихонько подвывает.

Жа-алко-о...

СЕМЁН: Штаны, что ль, с халатом?

АНЮТА: Не-е... На этом месте всегда стог был... Выго-о-орит... Тут... помнишь, мы Дусюську... сотворили... в стогу...

СЕМЁН: (обнимает её) Ещё сотворим... Дусюську! Чё нам?

АНЮТА: У-у-у... Теперь тут пятно будет. Чёрное... Страшное! А, Сём, а-а?

Семён отстраняет её, идёт вокруг горящего стога, тычет в огонь пальцем.

СЕМЁН Ничего, ничего... Ещё лучше расти будет! Чернозём, зола, перегной – это же самый вкус! Мы здесь цветы рассадим! Клумбу такую зафигачим, что из Голландии приезжать будут, опыт перенимать! А вокруг – четыре фонтана! Нет, погоди... Фонтан и вокруг клумба! И чтоб дорожки к фонтану с четырёх сторон: подошёл, побрызгался и гуляй по жаре! Или плюхайся на зелёный газончик мордой в цветы! А над тобой бабочки, стрекозы... (стихает) Да... Ничего... А, Анют?

Останавливается, замолкает, смотрит на огонь. Потом поднимает взгляд на Анюту, в его глазах растерянность. Не сговариваясь, они начинают топтать тлеющую по краям солому.

АНЮТА: Куда-а? Стой... Стой, собака! Ну, господи, не надо-о... А-а-а!

СЕМЁН: И я подумал, как же?... В голове – бац, удар! Опять так, прям... пожалел... Как тогда там! Помнишь, рассказывал?... На мне ни одной царапины... А я весь в крови... Юрку Мережку рядом на кусочки... Я сперва бежал, потом полз... В глазах красно стало... Думал, кровь... Повернулся на спину, лёг – нет, небо синее, бабочки, стрекозы летают... Только тишина... Тихий зуд какой-то в ушах, как провода... когда под ними... ну, высоковольтные... И вертолёт за стрекозу принял... Оглушило, ничего не слышу... Потом ребята смеялись: лежит весь красный в маковом поле... Замаскировался, не найти... Если б на нашем, на зелёном... Да. Когда пошли на разворот, легли на бок, я и увидел всё то поле. Ничего не соображал, но, помню, пожалел, что Валька не достал... ну, тогда ещё, дома... До армии ещё... Когда я просил его... два мешка мака. Да нет, не просил, а... сказал просто, что хорошо бы! Он обещал через отца... Не смог. Да... Да... У них там, наверное, нет ржи, в пустыне-то. У нас, конечно, получше было б!... Ещё бы! А?

АНЮТА: Ещё бы!... Сё-о-о-ом?! Валька достал два мешка мака... Когда узнал, что тебя... Что ты... Осенью на твоём комбайне он засеял и рожь, и мак... Тебя привезли весной, когда ещё всё было зелено... Леонтьич договорился с «АН-2»... И как только зацвёл мак, мы полетели... И ты всё вспомнил! Ты говорил, а Валька сидел в сторонке, улыбался и тихо плакал. На солнце так рябил мак, до слёз! И у всех были слёзы... Когда мы сели, Валька молча обнял нас и ушёл... А ты побежал на поле... Я еле тебя догнала... Вот здесь, у этого стога. А теперь он сгорел.

Плачет навзрыд. Семён подбегает к ней, гладит её щёки, волосы.

СЕМЁН: Ничего, ничего... Надо сходить за вилами.

АНЮТА: Догора-ает!

СЕМЁН: Это ерунда! Надо сходить за вилами. Надо перетащить вон тот стог сюда. Чё нам Голландия? Как сеяли, так и будем сеять! Тут им не ихний палисадник с цветочками! Это – Россия! Это – наша глубинка! Это наше поле! (громко поёт) Поле, русское по-оле...

АНЮТА: Это я дура!...

СЕМЁН: Моя дурацкая идея! (поёт) Не сравнятся с тобой...

АНЮТА: Я спичкой-то, я-а... А здесь, ведь, всегда-всегда... Помнишь, ещё когда мы в школе?... Авангард Леонтьич и то... Пашут, старый стог огибают, не трогают... Сеют – тоже... После жатвы старый убирают, новый накидывают!

СЕМЁН: Я накидаю! (поёт) Ты со мной, моё поле...

АНЮТА: У тебя руки обгорели!

СЕМЁН: Ну и чё? А то я не горел!... А ты? Как ты? Ну-ка, ну-ка, дай посмотрю!

Осматривает её руки, потом всю её.

АНЮТА: Ой, да я ж голая вся!

СЕМЁН: (прижимается к ней) Не вся... Не вся-а... А-а! О-о...

АНЮТА: Сёмочка... Ой! Да как же ты сумеешь, у тебя же компресс на задку? О-ой! Да где ж мы будем, сгорело ж всё?

СЕМЁН: Копёшечка осталась, мы спасли... Копна, Анют... Аню-ут!

Его руки скользят по всему её телу. Издали наплывает звук – то ли «АН-2», то ли вертолёт. Приближается «звезда». Радостно и счастливо смеётся Анюта.

АНЮТА: (кричит) Летит!

СЕМЁН: (неотрывно целуя её) Что это? Кто тарабанит? Кто, что?

АНЮТА: Да звёзды ж падают и тарабанят! И барабанят! И... их, их... и...

СЕМЁН: Копёшечка, копёшечка!... (поднимает её, кричит) Аню-у-у-ута-а-а!...

АНЮТА: (оглядывается вокруг) Ой, где наша копёшечка?... Ой, где ж она, родная?

Громыкает вертолёт. Семён несёт Анюту к спасённым от огня охапкам соломы. Они падают в эту «копёшечку».

Ах... звёзды-то... какие! Ах... звездопад... какой! Летит... глянь... Нет, повернись ко мне!... **Я расскажу тебе сама, как... звёзды... к нам... летят!**

Яркий луч врезаётся сверху в чёрное пятно сгоревшего стога, пульсирует, переливаясь цветами. В свете этого луча – Дуська и Данила. В их руках вилы с насаженными на них огромными охапками соломы. Сверкают, искрятся от пота их полуобнажённые молодые, красивые тела. Они сбрасывают свои охапки в одну копну, и тут же по лучу плавно и реально, как только бывает во сне, опускается и накрывает их... стог из ржаной соломы. Шум вертолётки так же плавно переходит в пение сверчка. Темно.

АНЮТА, СЕМЁН, ПЕТУХ И РАДИО

Утро. Стог. Из него торчат две пары грязных ног. Одна пара обмотана тряпками. Наверху стоит здоровый красивый петух. Он хлопает крыльями, стряхивает с себя сверкающие капли росы, поёт свою песню. Где-то включается радио.

РАДИО: (муж. голос) Правильно! Местное время уже... аж семь пятнадцать!

Наверху поднимается Анюта, оборванная, облепленная соломой, перемазанная сажеей. Она сладко потягивается.

АНЮТА: (гладит петуха) Петька, сдурел? Орёшь под ухом!

РАДИО: Прослушайте последние новости. Позавчера житель нашего села выстрелил себе в задницу из ружья. Солью. Теперь бюллетенит. А на дворе – битва за урожай! (поёт петух) Правильно. Не ищи на жопу приключений! (жен. голос) Да Ванька, что ль!? Хреначишь такими словами в динамик! (муж. голос) Извиняюсь за резюю. Далее. Вчера, то есть ночью на поле сгорел стог соломы.

Опять поёт петух. Наверху появляется всклокоченная, «соломенная» голова Семёна. Он долго озирается по сторонам, смотрит на Анюту, на петуха, щупает под собой солому. Потом осторожно заглядывает вниз.

СЕМЁН: Что это?

АНЮТА: Стог.

СЕМЁН: Стог? Сто-ог... А? А вот это?

АНЮТА: Петух.

СЕМЁН: Петух... Нет, это что?

АНЮТА: Ноги.

СЕМЁН: Ноги... Чьи?

АНЮТА: Н-наши. (загадочно улыбается) **Когда-нибудь, увы, кончатся и сказки...!** Семён, а за ним и Анюта съезжают вниз. Семён недоумекает, беспокойно смотрит по сторонам, на свои ноги с перебинтованными пальцами, потом на торчащие из соломы, пара из которых замотана в такие же тряпочки. Анюта тянет его уходить, Семён сопротивляется. Вдруг он вскрикивает, хватается за сердце и закрывает глаза. Анюта, прижимает его голову к своей груди.

СЕМЁН: Скажи мне что-нибудь хорошее, родная...! Скажи, пожалуйста, пока я не взревел...! От боли яростной, что мне сжимает сердце...! Иль обмани, пусть это будет сон...!

Удивлённая Анюта ладонями черпает с травы росу, прикладывает к его груди.

АНЮТА: А разве наша жизнь не сон, любимый?...! Зачем щипать себя, проснуться для чего?...! Мы это, мы той ночью звездопадной...! И веки так тонки, чтоб это скрыть!..!

Семён открывает глаза. Анюта пальцем показывает на «маленькие» ноги в стогу.

Вон пятнышко родимое, забыл ли? ...! Пониже щиколотки... на моей ноге...! Ты целовал его когда-то, помнишь, Сёма?! И нынче ночью так же целовал...! Когда от звёзд сверкающих, горячих...! В объятьях тесных уворачивались мы...!

СЕМЁН: Так мы с тобой во сне, мы спим, Анята?! И эти ноги... ноги грязные мои?.../ И эти тряпками замотанные пальцы.../ По ситцу милому простые васильки.../ Постой, постой... Знакомые узоры!.../ Я эти тряпочки, похоже, узнаю.../

АНЮТА: Мне на себе пришлось порвать одежды.../ Ты видишь, я нага, на лоскуты.../ И каждый замотать собственноручно.../ Чтоб пальцы не сожгли осколки звёзд.../

СЕМЁН: Я чую боль и жжение на лапах.../ И холодок приятной мне росы.../ Меня томит предчувствие обмана.../ И странная сумбурность в голове.../

АНЮТА: А странно ли, что стог стоит сгоревший?.../ А странно ли, что мы и тут, и там?.../

Кричит петух.

СЕМЁН: Но вот петух... Петух! Он что, мне снится?.../ Не нас ли разбудил его истошный крик?.../

АНЮТА: А разве в жизни петухи послушны?! А здесь гляди: ступай домой, петух! /Лети, хороший, вспомни, ты же птица.../ И не тревожь покамест сладкий сон.../

Петух взмахивает крыльями и послушно улетает. Включается радио.

РАДИО: (муж. голос) Пфу, пфу... Раз, раз... Вот воробьи подлюки!/ Обгадили весь микрофон дерьмом!/ (жен. голос) Да хорошо коровы не летают!/ (муж. голос) У вас, у баб, колья надо, полетят./ (жен. голос) Тогда сиди и не чирикай, Ваня!/ (муж. голос) Брысь, Варька-стерва, не мешай вещать! .../ Как атавизмы прожитой эпохи.../ Мы – цель не только птичьего дерьма!... /

СЕМЁН: Но это радио? Его я слышу явно?! Оно всё так же мелет чепуху.../ И Ванькин мат, и Варькина скабрёзность.../Ужели этим полнится душа?.../

АНЮТА: Оно лишь для того, чтоб нам проснуться.../ И, выглянув в окно, увидеть... петуха.../ И стог, и по полю к нему дорожку.../ Твоих, моих следов по утренней росе!/

СЕМЁН: Какая ночь безумная, Анята!/ Я просыпаться не хочу никак!/ Спешим домой, чтоб досмотреть концовку.../

АНЮТА: Успеть бы обогнать нам петуха!/
Убегают. Тут же кричит петух, и сразу включается радио.

РАДИО: Далее. На месте сгоревшего стога молодые энтузиасты всю ночь скирдовали новый... кхе-кхе... притон... (жен. голос) Ванька, с утра-то?! Чудак с другой буквы! (муж.) Я и говорю – новый приют тельца и вдохновенья! (зевает) Н-ну, встренем утро гимнОм, а не гав...
Громко звучит гимн.

ДАНИЛА, ДУСЬКА, ПЕТУХ И РАДИО

Стог. Рядом стоит Дуська, тербит изодранный подол короткого «анютинового» платья. Из стога выныривает голова Данилы. Дуська застывает, прижимая подол к бёдрам.

ДАНИЛА: Прелестно! Патриотка навтыяжку перед гимном!

Дуська молчит.

Вы все, что ль здесь чокнутые?

Дуська молчит. Данила вылезает из стога, сидит, слушает. Вдруг хохочет.

Гимн-то не наш, советский! Ну, полное дебиле!

Дуська молчит.

А правда, что твой отец контуженный?

Дуська молчит.

Ну, я про то... Ты ночью прибежала, глаза с тарелку... Горит... Надо тушить... Надо перетаскать... Отец не выдержит... Рана, травма душевная... Какой-то стог?! Чего? Таскали всю ночь, как дураки!

ДУСЬКА: Кто таскал, тот и контуженный!

ДАНИЛА: Ты чего?

ДУСЬКА: А ты чего? Пусть мы чокнутые! А ты?

ДАНИЛА: Да нет, я ничего.

ДУСЬКА: Хочешь, теперь я расскажу тебе сказку?... Жила-была девочка. Её любили два друга. И ей они нравились. Оба. Они вместе кончили школу. Вместе поехали поступать в институты. Двое поступили, а одна, она хотела стать артисткой, нет. Тогда один из друзей не стал учиться и вернулся. Он устроился работать на комбайн и заставил её пойти на заочный. Она поступила в институт культуры. Он работал, она училась. Однажды она спросила, почему он не делает ей предложения. Он ответил, что не хочет «благодарной любви». А ещё однажды он сказал другу, который приехал на каникулы, что хочет написать о своей любви «алым маком по зелёной озимой ржи». и показать ей сверху.. Друг обещал помочь. Но, наверное, ему было некогда, надо было уезжать учиться... А сам ночью он тайно сел на комбайн и просто выкосил «Ай лав ю!» на пшеничном поле. Потом...

ДАНИЛА: (тихо) Прости. Забудь, что я... гнал тут всякую... В общем, грубил и... Это так, просто...

Встаёт, виновато подёргивает опущенной головой.

В общем, я думал ты будешь смеяться надо мной... Ну, в том смысле, что... Всю ночь с тёлкой... Ой, блин!... Короче, в сене... И ничего... В смысле, не дотронулся.

ДУСЬКА: (улыбается) За «тёлку» не обижаюсь. И не в сене, а в соломе. А что, хотелось?

ДАНИЛА: Чего?

ДУСЬКА: Дотронуться?

ДАНИЛА: Ещё как!

ДУСЬКА: Спасибо. (смущённо) А то я думала, неужто я такая, что уж... совсем...

ДАНИЛА: А разве можно было?

ДУСЬКА: Ещё чего!

Они смеются. Видно, что смущение проходит. Данила бежит за стог, возвращается с вилами, закидывает соломой «нору», где спали.

ДАНИЛА: Я чуть не сдох, когда носил солому! А Толян с Танькой, как заводные... Да, главное, обувь в сторону, и босиком... Чтоб о стерню, говорят, не спотыкаться! А татарин ещё нас подгоняет, подгоняет!... Как очумели все! А ты вилами, как вилкой! О-о, не слабо! (втыкает в землю вилы) Да не верю я!... Ну, про то... Толян болтанул Таньке, что от звезды пожар?! Звезда упала в стог и загорелось...

ДУСЬКА: А я верю! И Танька верит! Поэтому она, я слышала, и сказала: судьба. Это значит, что они с Толяном поженятся. И я рада!

ДАНИЛА: Нереально как-то здесь у вас... всё. И я какой-то... непонятный... Сам себе... Мне-то чё?

Пожимает плечами, смотрит на свои перемотанные лапы ног.

Если б не ноги, вот, то не поверил бы... Как сон! И звёзды, и пожар... Я ж никогда не брал в руки вилы! А тут вон какой накидали! Сон? Наверное, сон. А, скажи? Да конечно! Ведь я не помню, когда ты мне ноги забинтовала. Как под кайфом! Последнее, что помню... Вот: **как искры звёзды сыпались на нас! О! А?** Как будто кто нашёптывал...

Удивлённо смотрит на Дуську. Дуська загадочно улыбается.

ДУСЬКА: Ты сладко спал, я росною травой.../ Омыла, как могла, твои стопы.../ И, платье разорвав, перевязала.../ Чтоб оберечь и успокоить сон./

ДАНИЛА: О, твою нежность глаз я видел рядом.../ И тело, что сверкало в свете звёзд.../ И та стерня, что раны мне саднила.../ Всё показалось счастьем в этот миг! /

Доносится песня петуха.

ДУСЬКА: Молчи, молчи! Не надо! Уже утро.../И не смотри так на меня, прошу.../ Я плакала... от дыма и... не знаю.../ Все тайны пусть сокроет этот стог! /

ДАНИЛА: Несчастный я! Уже пропел петух.../ И помню я по сказкам – всё исчезнет.../ Иллюзия рождает только грусть.../ И жажду страстную всё повторить сначала.../

ДУСЬКА: Опять могу заплакать, пожалей же!.../

ДАНИЛА: Прости! Стучит во мне дурная кровь.../. Я сам себя давно не понимаю.../

ДУСЬКА: (тихо) Скажи, пожалуйста, мне в рифму...

ДАНИЛА: (тоже тихо) Про любовь?!/

Они застывают, глядя друг на друга.

ДУСЬКА: Как долго эхо носит это слово!.../ Ведь кто-нибудь услышит невзначай.../ И приглубит ласковым обманом.../ И в поцелуй сомкнёт не те уста.../ А это рифма, это просто рифма!.../

ДАНИЛА: Перед тобой счастливейший поэт!.../ Пусть дрожь во мне дыхание убивает.../ Я задохнуться рад! Прощай! Последний вдох!.../

Он вдруг обнимает Дуську, целует её. Она затихает в его объятьях. Включается радио, слышатся мужской, женский смех.

РАДИО: (муж.) Последняя свежая новость и хорэ!... Сегодня утром какая-то голая пара... Мужская и женская особи! (жен. голос) О, особи! Хватит придуриваться-то, не пьяный, чай! Выражаешься, хуже матюков! (муж.) В общем, голые мужик с бабой гонялись за петухом, пока тот не юркнул в подворотню к...

Радио трещит, помехи заглушают голос. Дуська отталкивает Данилу.

ДУСЬКА: Не приходи больше! Чего тебе? Через неделю в школу, уезжай.

Данила молчит.

И вообще, мне некогда... Мы не успеваем с мамой... У меня не получается!

Данила молчит.

Я не Джульетта, понимаешь? Мы уже столько репетируем, а я всё Дуська, Дуська!... Потому что... Ну, он не Ромео, понимаешь?

Данила молчит.

Мы первого должны показывать в клубе... Уже все знают! Мама переживает, она столько сил... А я... Ну, что ты молчишь?

Данила молчит и смотрит на неё.

Ты думаешь, мы все здесь дураки?... У вас там сверкает всё... У вас жизнь, а у нас нет? У нас гимн и тот не тот, да? В клубе... одни «дуськи», как клушки в курятнике, да? (плачет навзрыд) Тебе не надо смотреть нашу постановку! Ты не будешь смотреть! Уезжай! Уезжай! Уезжай!

Плача, убегает.

ДАНИЛА, СЕМЁН И ЗАТМЕНИЕ

Стог. Рядом, опершись на вилы задумчиво стоит Данила. Подходит Семён, тоже с вилами. Руки его перебинтованы по локоть, и он неуклюже, как обрубки, прижимает их к животу.

СЕМЁН: Не сон. А я надеялся.

ДАНИЛА: Всё как во сне, дядь Сем.

СЕМЁН: Добился?

ДАНИЛА: Чего?

СЕМЁН: Я тебе не позволю, чтобы Евдокия так плакала! Я тебе не позволю!

ДАНИЛА: Простите.

СЕМЁН: Что мне твоё «прости»? Уходи. А то... у меня вилы в руках...

ДАНИЛА: Не уйду. У меня тоже вилы. (взрывается) У меня в башке «вилы», вот что хуже всего! Не пойму я ваши фишки! Я здесь у вас свихнусь! ... Что вы всё врётё, что выдумываете? Рожь зелёная, мак красный!... На пшеничных полях они расписываются!... Вертолёты, как стрекозы!... Самолёты бабочками порхают!... Платье мамино в цветочек!... Заповедник какой-то! Да пошло оно!...

Начинает яростно раскидывать вилами стог. Семён угрожающе поднимает свои вилы.

СЕМЁН: Не тронь!

ДАНИЛА: Звёзды у них солому поджигают!... Дурь какая-то! Звёзд не хватит, чтоб каждую копну палить! Устроили ночной клуб в стогу и радуются!... Да это ваше дело, но зачем других-то сказками кормить?! Платье какое-то задрипанное на бинты порвали – что ты?!? Символ!... Душа плачет!... Какая на хрен душа?!... Роса... Звезда... Баба Яга летела в ступе, курила, уронила папиросу и стог сгорел! Вот и вся сказка! А ещё проще – ваш пьяный татарин...

СЕМЁН: Не тронь Ильку! Он уже неделю больной. Может, и не выживет! А ты...

ДАНИЛА: Ага, больной! Всю ночь с нами бегал с бешеными глазами, солому таскал! Подгонял всех... Зачем? Ведь ничего в этом разумного не было и нет! И вообще ничего нет! Обкуренные вы все, что ль? Нет и не было!

СЕМЁН: Может быть... Может быть... А вот поле было. И есть. И стог есть. И был всегда! И дорожка по росе... И Анята Джульетту в школьном спектакле играла... В отрывке... И Валька «Ай лав ю» выкосил... Хотел мне помочь. А я его не простил. Было! И весь в крови я лежал на маковом поле... Не своей крови. Юрка Мережко, земляк... вместе призывались... Тут он рядом жил, а встретились там... «Не хочу в Дуське брюхатой домой лететь!» – это он сказал... Лежали, смотрели в небо... Три самолёта с грузом «двести»... пузатые такие ползли... Двести... Двести... Двуська-двусечка, пронеси!... Ну, он и сказал: Дуськи брюхатые... Было! И контузия была... И как мир перевернулся – было! И Юрка улетел в то самое небо... На «двуське-дуське»! ... И красное на зелёном – было!... Было!... И стог... Это не клуб соломенный! Это то, чемдохнуть хочется, иначе не выжить, когда лежишь в крови!... В своей, чужой!... Доползти, унюхать родное и ...и дышать, и жевать... телёнком... А ещё... да-а... Молоко-о из алюминиевой кружки!... Прохладное, из погреба... Потом... на пол лечь... дома... И спать в жару! А мама... полотенцем... мух из комнаты выгоняет... и ветерок от него... нежный!... Я дополз – было!... И Валька достал два мешка мака... Ради меня!... И мы летели, и видели ... «Люблю Аняту!» И я опять не простил ему... Было! И платье в цветочек... простые васильки... Было! Было... навсегда! Вон оно, лоскутками, на твоих и на моих ногах... На, смотри!

ДАНИЛА: Ну, это ж фокус какой-то!... Как «на твоих и на моих»? На ваших-то откуда? Что у вас и ангелы, что ль, летают? То есть, пе-ре-летают!? И перевязывают «святым» тряпьем?! Это ж тоже враньё! Не путайте меня!

СЕМЁН: А разве ночью ангелы не пели?.../ Огонь сжигал солому, не сердца?.../ И души не качались в колыбели.../ Объятий первородного греха?... /

ДАНИЛА: Как не поймёте вы, что это всё нелепо.../ Что вокруг нас жестокий, страшный мир?.../ Не склеить щит из скорлупы слюною.../ Осколки насмерть могут поразить!.../

СЕМЁН: А у души нет скорлупы, Данила.../ Она вольна и беззащитна тем.../ Но есть обитель, в это надо верить.../ Как есть у нас у всех свой отчий дом./

ДАНИЛА: Да не надо мне это...! Лоскутик, соломка, роса, звезда... Х-ха, философия!

СЕМЁН: А как же? Лаптем щи!... Иной лоскутик дороже целого. Ничего, ничего... А Дуська... с оборванным подолом ещё краше будет... Как дикарка, как колдунья... В холщевом домотканом платье... В весёлых васильках... Да, босая! Да, по росе!... Красавица моя!

ДАНИЛА: Единственное слово правды – красавица! Остальное не сходится! «Холщёвое»! Зачем вся эта дурь? Затмение какое-то тут у вас! Везде свет, а у вас затмение!... Как же вы её Дуськой-то назвали, если...

СЕМЁН: Уходи! Вон с моей земли!

ДАНИЛА: Нет уж, Семён Алексеевич, земля это моя! Мой отец выкупил её у вас! И я что хочу, то и буду делать!... Захочу, сплужу этот стог!... Опять! Сам подожгу!... «Звезда»! ... Ха-ха-ха!

Неожиданно начинается темнеть.

Ага, чудо местное?! Шиш вам! А петуха забыли! (свистит) Где ты? Кукарекай, сказка затянулась! Очнуться пора!

Кричит петух, его подхватывают другие петухи и куры, мычат коровы, лают собаки, пронзительно пищат коты и кошки. Становится темно. Данила растерян, смотрит вверх.

СЕМЁН: Когда-нибудь кончаются и сказки.../ И свежий хлеб черствеет, правда, но.../ Жестокий мир не затемняет свет в окошке.../ Пока душа сама не съжится в сухарь!.../

ДАНИЛА: Я не дам превратить себя в идиота! Не-ет!... (на затмение) Это физика... движения тел, простая фи-зи-ка!

СЕМЁН: А слёзы – химия! А мы почему-то плачем!

ДАНИЛА: Да вы!... Уж лучше вы мне вилы в бок!... Давайте! Дуэль в темноте! На вилах! ... Русская рулетка! Выпад и укол на «ку-ку»! Ку-ку! Ку-ку!

СЕМЁН: Сопляк!

Крик в темноте. Тишина.

ДУСЬКА, АНЮТА И ВЕЗДЕСУЩЕЕ РАДИО

Стог. Время к вечеру. Уткнувшись в солому, громко, с причитаниями плачет Дуська.

ДУСЬКА: Как он мог? Как же он мог? Я его теперь ненавижу! Я его... Ой, мамочка! Ой, что же мне делать?

Подходит Анюта, подсаживается к Дуське.

АНЮТА: Вот ты где. Хотя, где ж ещё...

ДУСЬКА: Мама! Я ненавижу папу! Или нет, не знаю! Не могу!... Скажи мне, родненькая моя, что же мне делать?

Включается радио.

РАДИО: (задыхающийся муж. голос) Ф-фух! Н-да!... Срочные новости! Их две – хорошая и плохая! (жен. голос) Ладно рассусоливать-то! А то я сама! (муж.) Цыть! Кха, кха... Сегодня в местную больницу был доставлен пацан... а-а... юноша с ранением в... в заднее бедро. Его принёс сам преступник, на вилах которого и была обнаружена кровь. В интересах следствия фамилии просили не называть. (жен.) Следствие, заднее бедро, преступник... Пряма Чикага какая-то! (муж.) И второе. Сегодня у нас произошло обычное солнечное затмение, которое говорит о том, что жизнь идёт, природа крутится! А потому слушайте русскую народную... (жен.) Ягоду давай, ягоду! Сладкую! (муж.) Сладкую, говоришь?

Женский визг, смех. Звучит «Сладка ягода». Слышатся частое дыхание, стоны. Видимо, забыли выключить микрофон.

ДУСЬКА: Я побежала, а... а... А их уже нет!

АНЮТА: Их в район увезли. Данилку в больницу, а отца...

ДУСЬКА: В тюрьму?!

Анюта пожимает плечами, прижимает её к себе, гладит.

АНЮТА: Евдокия, не выйдет у нас сегодня репетиция. И завтра. Ехать надо.

ДУСЬКА: К кому же мне, мам?

АНЮТА: Глупый вопрос. Тебе к Даниле.

ДУСЬКА: А папа?

АНЮТА: А к папе я. Судьба у нас с тобой такая.

ДУСЬКА: Ой, мамочка!... Ой, да какая же я несчастная!

АНЮТА: Ты-и? Ты счастливая!... А про папу не верь. Не смей так думать про папу!

Не мог он этого сделать, не мог!

Встаёт, начинает прибирать стог, аккуратно укладывая охапки.

Дусь, ты не купалась в утреннем тумане?

ДУСЬКА: Я? М-м... Мы бродили...

АНЮТА: А мы купались!... А слышали, как шипят звёзды в росе?

ДУСЬКА: Ты чего, мам? Зачем сейчас о таком?

АНЮТА: Значит, не слышали... Звёзды падают в ночную росу, шипят и испаряются. Горячий пар поднимается, остывает к утру – вот тебе и туман. Чем больше звёзд упало, тем гуще туман. Войдёшь в него, и тысячи капелек на тебе!... (задумчиво улыбается) Наш туман можно горстями черпать и умываться. А может, и охапками!...

ДУСЬКА: Как-то вы с папой... всё... переворачиваете. И я за вами! А Данилка надо мной смеётся... Нет, сперва смеялся, а потом и сам... Ему тоже понравилось! Ну, вот про туман... как сейчас... Он же от речки поднимается и капельками на траве оседает, оттого... роса!

АНЮТА: (загадочно) Не всегда. И уж не сегодняшней ночью!... Сегодня роса была крупная, и холодная-холодная... Капельки с далёких звёзд! У папы что-то жгло в груди, я зачерпнула росы, мокрыми ладонями погладила его, и он успокоился.

ДУСЬКА: И я тоже... Зачерпнула и... Наваждение какое-то!

АНЮТА: Вся жизнь наваждение, дочка... Нет, не мог наш папа сделать такое. Такого – не мог! Давай сядем, решим, как нам быть.

Садятся, прижимаются друг к другу.

Когда папу привезли из госпиталя, ты у меня в животике ещё была, семь месяцев... Как раз столько прошло с того дня, как я проводила его в армию... Вот отсюда проводила... Здесь прощались... И вот привезли... Он долго не мог говорить... Только ходил, смотрел на меня и иногда шептал: Дуська, Дуська... Задумается и шепчет... Я и назвала тебя Дусей... Валька, отец Данилы, всё сделал, чтобы Сёма пролетел над полем и увидел... Ты знаешь что. И когда он увидел, то сразу заговорил... Он говорил, а мы с Валеёй плакали... Потому что Сёма... смотрел вниз... и наизусть... отрывок из «Ромео и Джульетты»... который мы когда-то в школе играли с дядей Валеёй... Весь отрывок!... И за меня, и за него... Как он его вспомнил?... Тот, который никак не идёт у вас с Толянём... А когда сели, он бегом сюда... Лёг на солому, раскинулся... И такое счастье в глазах!... «Я чуть не потерял всё это! Я чуть не потерял всё это!»... Повторял... И с тех пор... бережёт... всё, дрожит, как над... как над аквариумом. Тюк, говорит, – и мы дохлые! У нас, мол, жабры только для этих мест...

ДУСЬКА: (встаёт, решительно) Я поеду к отцу!

АНЮТА: (тоже встаёт) Нет, дочь, ты поедешь к Даниле!... **Не прогоняй и не пугайся наваждений.../ В твой мир войдёт лишь тот, кто угадает дверь.../ Жизнь так сложна, и в ней клубков так много.../ Какой распутать, не подскажет оберег.../ Вдруг наваждение, как туман нахлынет.../ И как туман рассеется опять.../ То спрячет все углы и страшный посверк лезвий.../ То обнажит вдруг беззащитность душ.../**

Включается радио. После хрипа врывается голос.

РАДИО: Последний раз его видели, как он бежал за машиной, увозившей преступника, и что-то кричал.

ДУСЬКА: (испуганно) Что? Что, мам, мы прослушали? Про папу? Что?!

РАДИО: (жен. голос) Повтори ещё, один треск да хрип был! (муж.) Да ты своей ляжкой всю аппаратуру смяла!... (жен.) Сам меня сюда!... (муж.) Ну! Ещё в микрофон крикни, кто тебя, куда и как!... Повторяю. На полпути в райцентр у дороги был найден труп Ильки-татарина. Последний раз его видели, как он бежал за машиной, увозившей преступника, и что-то кричал. (жен. крик) Чикага какая-то!...

Радио выключается.

ДУСЬКА: Что, мама, что?

АНЮТА: Ничего. Просто умер ещё один добрый человек.

ДУСЯ: Ещё один? Ещё?!

АНЮТА: Так говорится. Не дрожи, Дусюська моя!... Прекрасный туман жизни иногда рассеивается. Но ничего, ничего... Он возвращается и, к счастью, часто! Посиди здесь, успокойся. И не бойся. Я схожу узнаю.

Анюта уходит. Дуська остаётся одна.

ДУСЬКА, ВИДЕНИЯ И ДАНИЛА

Стог. Вечер. Тучи. Темно. «Погромыхивает» гром. Молнии высвечивают сидящую у стога Дуську.

ДУСЬКА: Как страшно перепутано всё в жизни!.../ Свет, тьма... смех, стон... где радость была – боль.../ А мир гремит, сверкает, манит... Давит!.../ И никому нет дела до меня!.../ Да что тут «я», когда в мученьях двое?.../

Страшный раскат грома, ослепительная молния. Появляется видение в белом. Это Данила. В руках у него коса.

ДАНИЛА: Один. Не я, я цел и невредим.../ И оттого вдвойне себе противен.../ Хотя не знаю, в чём повинен я.../ Он мне сказал: нет у души защиты.../ Нет скорлупы, она обнажена.../ Но есть свой мир, куда глухи ворота.../ Так как же душам встретиться тогда?.../

После разряда молнии появляется ещё видение. Это Семён.

СЕМЁН: Я говорил – есть у души обитель.../ Её обитель, да, и есть наш мир.../ Твой, мой, её – и в нём она витает.../ Вольна и боязлива, и хрупка!.../ Но если в ней, вдруг, верх берёт гордыня.../ Она становится и жалка, и смешна.../ Хотя смеётся над другими свыше.../ Тем оскудня мир свой и себя!.../

ДАНИЛА: Но есть же разум?

СЕМЁН: Разум быть обязан!.../ Ведь без него она почти слепа.../ Как слепо сердце – милый наш предатель.../ И верный друг – до самого конца!.../

ДАНИЛА: Придуманный мирок!

СЕМЁН: Ну, вот тебе и разум!.../ А я о том, что есть всему исток.../ И ежели в пути ручей мутнеет.../ Его родник всегда живителен и чист!.../

ДАНИЛА: Не пей моей водицы, испоганишь?.../ Ваш мир – есть всё, а что же мой – ничто?.../ Вы страшный человек. Да вы убийца!.../ Вы погубитель душ! Чертополох!.../ Причудливо цветёте, но дотронься.../ И брызнет от иголок ваших кровь!.../ Под корень вас!

Замахивается косой.

ДУСЬКА: Не-ет! Пожалейте! Вы же.../ На части разрубаете любовь!.../

Раскат грома, дождь. Закрыв лицо руками, громко, с подвыванием, плачет Дуська.

ГОЛОС: Дусь, ты что? Это я, Данила!

Подходит Данила. Он на костылях.

Прости меня! Твой отец ни в чём не виноват. Это я, я сам! Хотел разворотить этот стог... Залез, разбрасывал... Поскользнулся, а вилы выпали... И я на них! Сам!... Я так и сказал милиции. А дядь Сёма сказал, что это он. Ничего, Дусь, ничего, разберёмся. Не плачь, не надо!

ДУСЬКА: Ты-и?! А папа?

ДАНИЛА: Папа... Тёть Аня поехала к нему. У него... с сердцем плохо. Его перевезли в больницу. Ничего, Дусь, просто... А я сбежал сказать! Мне всадили обезболивающий... Тёть Анята меня к тебе послала, а сама...

ДУСЬКА: (вскакивает, кричит) Я тебя ненавижу! Я тебя ненавижу-у!
Убегает. Гром, молния, дождь. Данила один. Мокрый, на костылях.

ДАНИЛА, ПЕТУХ И ВИДЕНИЕ

Раннее утро Туман. Стог. Наверху петух. Внизу Данила на костылях.

ДАНИЛА: Вот так, брат... Сейчас пропоёшь... и всё! (опускает голову, видит перебинтованные ноги) Лоскутик с васильковыми цветами... Знаешь, брат Пётр, ты пока не пой. Дай человеку подумать. (смеётся) Наверно, твой коллега, жареный петух, мне в задницу клюнул, вот я и задумался. Стоя думать приходится! Издержки недомыслия. Куриные мозги. О, извини за твоих подруг! А давай-ка ты пока...

С трудом наклоняется, снимает с пальцев ног тряпочки, связывает их в один узелок и бросает наверх петуху.

Ты будешь у меня голубем... Нет, петухом мира! Или просто почтовым. Возьми, передай ей весточку от меня. Сам не могу, потому как... с раной. И притом – весь!

Петух клюёт узелок, взмахивает крыльями и пропадает за стогом.

Да это что ж такое?! И петухи здесь заодно со всеми!... Глюки конкретные! Что я здесь делаю? Промокший, отупевший и больной?! Всю ночь у стога простоявший и замёрзший...

Разгребает костылём солому, осторожно, бочком, ложится.

Здесь просто аномалия какая-то... Лучи какие-то... Тьфу, тьфу, тьфу! Сейчас туман рассеется, выйдет первый луч солнца и... И что? Найдут, скажем, мой труп. Нет, не тот прикол! А, вот... местная фишка: **вдруг явится ему Аврора, как виденье...!**

С первым лучом солнца появляется видение. Это Дуська. Она с распущенными волосами, в простеньком облегающем платье «в васильковый цветочек». Подол платья иссечён на лоскуты, что ещё больше подчёркивает её прелесть.

Аврора... Дуся?!?

ДУСЬКА: Как ты легко ошибся! Дважды кряду!.../ Сперва невесть кого вообразил.../ Потом отказ без тени огорченья.../ А жаль, что так меня и не узнал!.../

ДАНИЛА: Нет, я узнал тебя! Колдунья ты, колдунья!.../ Где прячешь яды сладкие, скажи?.../ Свой приворот, губительно манящий?.../ И где я сам? О боже, это я?! .../ Да разве только здесь летают звёзды?.../

ДУСЬКА: Но только здесь они шипят в росе.../Туман густой над полем воспаряет.../ И мы ныряем в звёздную купель!.../

ДАНИЛА: А зажигает кто горячие пожары?.../

ДУСЬКА: Те звёздочки, что дать хотят тепла!.../

ДАНИЛА: Мне кажется, я брежу... Жар и жажда!.../ Дай мне попить из рук твоих скорей.../ Хоть и боюсь, козлёночком вдруг стану.../ И буду бегать за тобой на поводке!.../ Согласен я. Веди в зелёно поле.../ И покажи мне, где алеет кровь.../ Мальчишьего признанья деве юной.../С единственной рифмою: любовь!.../ Скажи, а правда ли, что здесь и рожь иная?.../

ДУСЬКА: Отцами нашими посеянная – да!.../

Черпает ладонями туман, подносит к его рту.

Возьми, попей, иначе не успеешь.../ Уже туман спускается к реке.../ Пора и мне.

ДАНИЛА: Русалка ты? Наяда?!.../ О да, признаюсь я, однажды подсмотрел.../ Как вышла из воды ты обнажённой.../ И я в кустах чуть не сошёл с ума!.../

ДУСЬКА: А у колдуний всякие наряды.../ Но этот мне милее, посмотри!/
41

ДАНИЛА: Трепещут лоскутки на твоих бёдрах!.../ Туман тебя уводит за собой.../ И васильки, в нём растворяясь, тонут.../ Я слышать не хочу твоё «прощай»! .../

Дуська, улыбаясь, отступает в тень и пропадает. На стогу появляется петух.

**Пусть трижды пропоёт петух горластый.../ От этой сказки я не откажусь!/
Кричит петух. Данила вздрагивает, поднимается, с удивлением оглядывается по сто-**

ронам. Опять видит наверху петуха.

Я спал, или...? Всё на своих местах. И солнце, и я, и стог, и петух...

Слышится голос: «А татарин помер!»

А татарин умер. Бежал за милицейской машиной, кричал: «Сёмка не виноватый! Сёмка не виноватый!» От тех только пыль... А татарин помер. А? А кто это сейчас сказал? Ты, Петя-вещун? У-ди-вительно! О, голова моя, башка! Что со мной? Укол? Мне же нельзя! Отец, отец...

Радио играет траурный марш.

Что ж я здесь торчу, когда... Там же... Ну, костыляй, Данила, к людям! Не сходи с ума, папка далеко, не поможет!

Делает шаг и валится опять в солому.

ОПЯТЬ ВИДЕНИЯ, ИЛИ ПЕТУШИНЫЙ СПИРИТИЗМ.

Стог. Время суток неизвестно. Блуждающие лучи, огоньки, переливы света в тумане. Четверо в балахонах, в венках носят вокруг стога «весёлой» расцветки гроб. Это Семён, Анюта, Дуська и Данила. То и дело слышно шипение, как будто где-то опускают в воду раскалённое до красна железо. Сквозь этот шип доносится из радио траурная мелодия. Наверху стога медленно поворачивается, застывший как флюгер, петух. Процессия идёт в ту сторону, куда он повернётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.